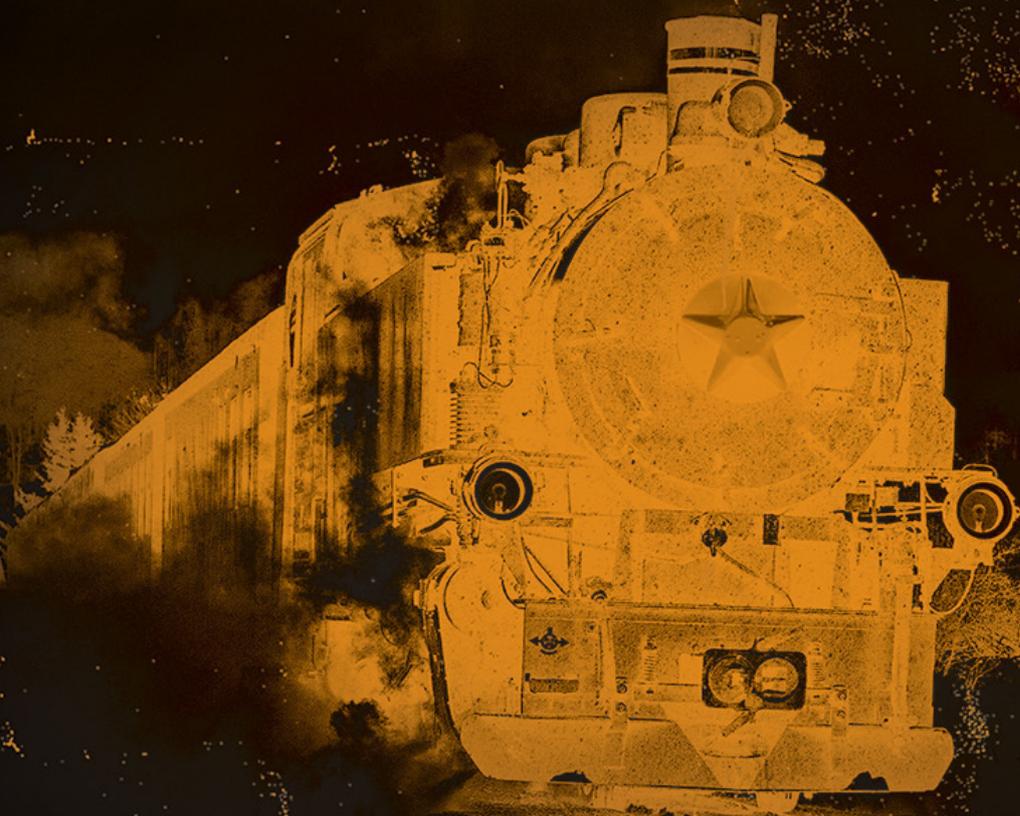

И В А Н
ПОГОНИН

– Экспедиция в рай –

И С Т О Р И Ч Е С К И Й Д Е Т Е К Т И В

Иван Погонин
Экспедиция в рай

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Погонин И.

Экспедиция в рай / И. Погонин — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-091541-5

Приключения бывшего чиновника сыскальной полиции Тараканова начинаются тогда, когда Осипа Григорьевича после революции против воли мобилизуют в советскую уголовно-розыскную милицию и поручают расследовать первое преступление: ограбление с убийством. Оценит ли профессионализм Тараканова новая власть? Или посчитает его недостаточно компетентным, а то и опасным? Осип Григорьевич не без труда находит исполнителей преступления, но дадут ли ему подобраться к заказчику?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091541-5

© Погонин И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Бывший	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Иван Погонин

Экспедиция в рай

БЫВШИЙ

«14/25 мая 1918 года. Насчитывают, что в одной Московской губернии сейчас более 300 000 человек безработных.

На станции Ожерелье Рязано-Уральской железной дороги в багажный вагон ворвались несколько вооруженных человек, которые застрелили багажного кондуктора, чиновника наркомфина и милиционера, забрали почтовые баулы, в которых было 9 000 000 руб. и скрылись. И о таком событии теперь в газетах напечатано мелким шрифтом. Потому что это – «мелочь». А я помню, лет 35 тому назад казначей воспитательного дома украл 200 000, так тогда московские газеты писали о том случае целый месяц, посвящая ему полномеру».
Из дневника обывателя

Глава 1

Старые знакомые

Тараканов прислонился к стене камеры и закрыл глаза. От холода кирпичной кладки головная боль сделалась тише. Кровь из разбитой губы больше не текла. «Вот и попили хорошего чайку на праздник...» На душе было так тоскливо – хоть волком вой! Ведь не хотел же в Москву ехать, не хотел! Когда в пять утра из дома вышел, увидел, что погода испортилась – похолодало до минуса, снег пошел. Пока ехал до станции, до того продрог, что уж было совсем решился на этом же извозчике домой возвращаться. Но тут жену вспомнил, сынишку. Ох, расстроил бы Настю пустой праздничный стол! Да и Ваньку чем-нибудь вкусеньким хотел побаловать. Поэтому поднял воротник пальто, руки в карманы засунул поглубже и быстро-быстро засеменил к вокзалу. В зале ожидания отогрелся, да еще и приятеля встретил, с которым давно не виделся. А у того с собой целое сокровище: шутовский довоенный коньяк во фляжке. Так что, когда поезд подали, настроение у Тараканова было совсем хорошим. Да и в Москве повезло: в хвостах не стоял, все к праздничному столу купил у одного торговца – бывшего поставщика его мясных лавок. Да как купил – почти даром, по осенним ценам. Это потому, что золотыми рублями расплачивался, не бумажками.

Сам Тараканов оказался купцом никудышним. Впрочем, если бы не обстоятельства, торговал бы Осип Григорьевич и поныне, для руководства хорошо отлаженным делом большого ума не требовалось. Но весной семнадцатого Тульская городская дума ввела таксу на продукты питания, и Тараканову пришлось выбирать: или торговать себе в убыток, или начать прятать товар и спекулировать, то есть заниматься тем, с чем не так давно он боролся в славном городе Львове, не жалея при этом живота своего и служебного времени. Отставной сыщик думал, думал и выбрал из двух вариантов третий: решил продать дело своему старшему приказчику. Услышав эту новость, жена чуть в обморок не упала. Как она только его не уговаривала, какими карами не грозила, даже разводиться хотела. Но Тараканов был непреклонен, и баронессе пришлось смириться. Взял он за «Мясную торговлю наследника П.С. Яковлевой», как тогда казалось, хорошо – десять тысяч. Восемь тысяч были в билетах четырехпроцентной государственной ренты, их Тараканов положил в банк, а две тысячи Кузьма Матвеевич принес

золотыми империялами, десятками да пятерками. Осип, дурак, их еще брать не хотел – хождение монеты из драгоценных металлов в ту пору уже было запрещено. Еле его Кузьма уговорил, и за это теперь Тараканов при каждом посещении церкви ставил бывшему своему приказчику свечку – в декабре прошлого года большевики банки национализировали, а все долги Николая Кротового простили. И остался бы Ося с носом, если бы не эти золотые две тысячи. На них все семейство последние полгода и жило. В Туле стало совсем голодно, поэтому перебрались к матери, в Каширу, поближе к ее коровкам и домашним молочным продуктам. Теткин дом Тараканов стал сдавать. В феврале жена поступила на службу в уездный Совет, машинисткой, а Тараканов подрядился конторщиком на товарную станцию.

Молока в доме было вдоволь, а вот с другими жизненными припасами дела обстояли намного хуже. Если самые простые продукты еще можно было купить в каширских лавках, то разных праздничных вкусов там уже давно не водилось. Особенно тяжело Насте было без чая – чаевничать она любила, но ту странную смесь, которую продавали в лавке купца Антонова по 12 рублей 50 копеек за фунт, пить не могла.

Поэтому-то и встал сегодня Тараканов с первыми петухами, чтобы успеть на утренний поезд до Москвы – чайку хотел купить, продуктов каких-нибудь – разговеться, ну а если совсем повезет – то и окорок. Домой рассчитывал вернуться с четырехчасовым.

Все купил, да не задорого, положил в саквояж и пошел на трамвайную остановку. На извозчика тратиться не хотелось, они, оглоеды, совсем совесть потеряли – 10 рублей за самый короткий конец просили. Трамваи ходили редко и потому были переполнены. В первые два ему влезть не удалось, а когда на третьем к Саратовскому вокзалу подъехал, понял, что, если не поторопится, на поезд опоздает. Бегущий, буржуйского вида мужчина был замечен и остановлен патрулем матросов-балтийцев. Братишки бесцеремонно обыскали таракановский саквояж, нашли чай и заявили, что он экспроприруется в пользу революции. Тараканову бы промолчать, поскрипеть бы зубами и дальше бежать, на поезд успеть попытаться, так нет, начал права качать, уж больно чая стало жалко. Братишки долго не слушали – один из них ударил его кулаком в челюсть, после чего ему завернули руки за спину и отвели в ближайший участок, или, как они теперь называются, – комиссариат.

А там ему опять «повезло» – комиссарил во втором Пятницком участке некто Булгаков, бывший стрелочник Николаевской железной дороги, который в двенадцатом году благодаря Тараканову был отправлен Московским окружным судом на каторгу.

Осип Григорьевич своего крестника и не узнал – много их у него, да и тяжело было узнать в седом человеке в кожаной куртке и пенсне бывшего красавца-стрелочника. Зато Булгаков узнал его сразу.

– Огромное пролетарское спасибо вам, товарищи! – обратился он к приведшим Тараканова матросам. – Вы даже не знаете, какую крупную рыбу изловили. Это же господин Тараканов – известный жандарм.

Через два часа отставного коллежского секретаря на автомобиле повезли на Лубянку, 11. Сидевший рядом с ним милиционер держал в руках саквояж Осипа Григорьевича и тощую бумажную папку, в которой находились протоколы и рапорта. Из них следовало, что бывший чин царской полиции Тараканов, неоднократно поощрявшийся начальством за активную борьбу с революцией, четвертого сего мая, на Кожевнической улице занимался спекуляцией продуктами питания и был задержан на месте совершаемого преступления совместным милицейско-флотским патрулем.

За эти прегрешения Осипу Григорьевичу по революционным законам грозило самое суровое наказание.

* * *

Тротуар у бывшего здания страхового общества «Россия» с обеих сторон был огражден рогатками из колючей проволоки. Когда милиционер открыл перед ним дверь, Тараканов увидел пулемет с заправленной лентой, рядом с которым стояло двое чекистов.

Осипа Григорьевича провели в большую комнату, перегороденную поперек наспех сложенным барьером из неструганых досок. Оставив Тараканова под охраной двух каких-то типов, милиционер убежал.

За барьером находилось человек двадцать собратьев по несчастью. Здесь были люди в солдатских и офицерских шинелях, в поддевках, в потертых пиджаках и в роскошных пальто. В комнату то и дело входили и выходили крепкие ребята в кожаных куртках, в фуражках с красной звездой на околыше, с кобурой на животе.

Чекисты громко разговаривали между собой, ругались, спорили, но все не по-русски. Языка Тараканов разобрать не мог.

Милиционер вернулся минут через двадцать и велел Тараканову подниматься по лестнице. Пройдя длинным коридором вдоль ряда дверей с намалеванными неумелой рукой номерами, милиционер велел остановиться у одной из них, постучал и, получив разрешение, завел Тараканова в кабинет.

В глубине комнаты стоял большой письменный стол, за которым сидел темно-русый мужчина лет тридцати в пиджаке и белоснежной сорочке, с воротником, подвязанным модным галстуком. В руках он держал отобранный у Тараканова паспорт, саквояж Осипа Григорьевича стоял на столе.

Мужчина, отпустив милиционера, показал рукой на приставленный к столу стул, приглашая садиться.

– Здравствуйте, – чекист взглянул в паспорт, – Осип Григорьевич. Меня зовут Альфред Иванович. Я буду заниматься дознанием по вашему делу. Вам это знакомо? – Глядя в глаза Тараканову, он указал на саквояж.

– Здравствуйте. Разумеется, знакомо. Это мои вещи.

– Это хорошо, что не пытаетесь отрицать очевидного. Где взяли продукты?

– Купил.

– Где?

– На рынке, у Даниловского монастыря.

– В Москве?

– Разумеется, в Москве.

– Купили и тут же хотели продать?

– Ничего я продавать не хотел. Купил продуктов для семьи, на праздничный стол.

– На Пасху? В Бога веруете?

– Верую. Это вроде не запрещено?

– Не запрещено. Запрещено спекулировать.

– Я не спекулировал.

– А вот в рапортах написано иное. Вот товарищи Бутузов, Хохлов, Фоменко доносят, что спекулировали. И, знаете ли, у меня больше оснований верить своим товарищам, чем вам, бывшему жандарму. Вы офицер? В каком чине? – вдруг резко спросил он.

– В военных чинах никогда не состоял. В отставку вышел коллежским секретарем. В корпусе жандармов не служил. Я всю жизнь занимался только уголовным сыском.

– Почему вышли в отставку?

Тараканов замялся.

– Нашел себе иной род занятий.

– Это какой же?

– По торговой части.

– А говорите, что не спекулянт!

– Я торговлей еще до переворота перестал заниматься. Сейчас служу по НКПС¹.

Чекист несколько минут перебирал бумаги. Прочтя один из листков, он криво улыбнулся:

– А что вы скажете в отношении показаний товарища Булгакова, комиссара второго Таганского участка? Вам их зачитать?

– Не надо, я примерно представляю содержание его показаний. И скажу я вам по этому поводу следующее. Я действительно арестовывал Булгакова в тысяча девятьсот двенадцатом году. Но не по политическим делам, а по делу о хищении с железной дороги. Он, в составе шайки, вагонами оттуда воровал.

– Вагонами? Это как?

Тараканов рассказал.

Чекист немного помолчал.

– Ну хорошо. Мы проверим. А пока я вас арестовываю. До выяснения всех обстоятельств.

* * *

Тараканова, теперь уже под конвоем двоих людей в кожанках, отвели вниз и вновь поместили в комнату с барьером. Там он пробыл до утра. В пять часов всех арестованных посадили в грузовой автомобиль и повезли по московским предрассветным улицам. Машина нырнула к Охотному ряду и повернула на Тверскую. В голове у Осипа мелькнуло: «Не в сыскное ли везут?» Он угадал – грузовик свернул в Малый Гнездниковский.

В столе приводов их стали фотографировать и дактилоскопировать. Взглянув на чиновника, оформлявшего карточки задержанных, Тараканов узнал старшего надзирателя Герасима Ильича Фокина. Он дернулся к нему, хотел поздороваться, но надзиратель, увидев бывшего коллегу, опустил голову. Тараканов здороваться передумал.

Один из задержанных – тучный мужчина в пальто с иголки никак не мог понять указания дактилоскописта и не так, как надо, прикладывал руки к листу бумаги. Чиновник возился с ним минут десять. Наконец мужчина не вытерпел и сказал:

– И вам не стыдно этим заниматься?

– Кормимся помаленьку, что поделаешь, – ответил дактилоскопист. – Служба не увечная, да и бесперебойная, каждый день все новых подваживают.

Записывая данные Тараканова, бывший старший надзиратель спросил:

– Где жительство сейчас имеете?

– Кашира, Тульской губернии, Малая Посадская, вдовы Таракановой собственный дом. С Гнездниковского их отвезли на Таганку.

После утреннего рапорта Фокин попросил у Маршалка личной аудиенции. Пробыв в кабинете начальника около получаса, Герасим Ильич вышел на улицу, дошел до Большой Дмитровки, там, поработав локтями, втиснулся в трамвай № 25 и поехал на Саратовский, бывший Павелецкий, вокзал.

¹ НКП – Народный комиссариат путей сообщения.

Глава 2

Предложение, от которого нельзя отказаться

Председатель совета московской милиции Рогов снял очки, вынул из кармана тужурки носовой платок и стал протирать стекла:

– Три часа назад, Карл Петрович, был совершен вооруженный налет на ресторан Кузнецова. Ограблено свыше двадцати посетителей. Вы слышали об этом?

– Нет-с. Но утром мне бы обязательно доложили на рапорте, – ответил Маршалк.

– Утром? А почему не сразу же? Почему вы лично не выехали на это преступление?

– Помилуйте, Михаил Иванович! В городе ежедневно происходит по несколько таких налетов, если я стану на каждый выезжать, мне надобно будет разорваться на части. Но сотрудники-то мои были?

– Сотрудники! Вы вот это читали? – Рогов достал из папки и передал Маршалку половинку бумажного листа.

Вверху грязного клочка бумаги корявым почерком было выведено слово «Пратаколь». Следующие несколько строк Маршалк, как ни старался, разобрать не смог. Расшифровке поддалась только подпись: «агент Устюжин».

Маршалк вздохнул:

– А что я могу поделать, гражданин комиссар? Из довоенного штата у меня осталось только пятнадцать человек, а количество преступлений возросло на порядок. Поэтому опытных сотрудников приходится использовать только на самых важных делах. Ну а на остальных – тех, кто поступил в розыскную милицию по партийному призыву. А их качество... Вы сами сейчас изволили убедиться, каково оно.

– А вы считаете вооруженный налет делом неважным?

– Михаил Иванович! Год назад на такой налет я бы выехал лично и взял бы с собой всех своих чиновников для поручений. Ну а по нынешним временам... Там, как мне сейчас доложили, слава Богу, без жертв обошлось, да и похищено всего на тридцать тысяч. На минувшей неделе мы зарегистрировали четырнадцать таких налетов.

– Значит, кадровый голод? А почему мер не принимаете? Почему не привлекаете на службу бывших сотрудников? Сейчас времена трудные, безработица, я думаю, многие бы согласились.

– Да разбежались мои бывшие сотрудники, разбежались кто куда. Больно нынешняя власть к ним неласкова. Ну а кто не успел убежать, те по тюрьмам сидят.

– Раз сидят, значит за дело.

– Кто за дело, а кто – нет.

– А не нам с вами, господин бывший надворный советник, решать, кого за дело арестовали, а кого по ошибке. Компетентные товарищи сами разберутся, будьте уверены.

– Разберутся, только, пока они будут разбираться, большинство налетов, подобных вчерашнему, останется не открытым.

Рогов вскочил:

– Черт с ним, с большинством. Я говорю про конкретный. Вот он должен быть открыт. Непременно открыт! Послушайте, – Рогов, успокоившись, опустился на стул, – у Кузнецова ужинал один ответственный товарищ. И у этого товарища бандитами был отобран портфель с весьма важными документами. Этот портфель, а точнее его содержимое должно быть найдено! И в кратчайший срок. Вам ясно?

– Ясно.

– Я вас очень прошу, Карл Петрович, постарайтесь. – Рогов поднялся, давая понять, что аудиенция закончена. Маршалк тоже встал и поклонился.

Когда он уже подошел к двери, Рогов его окликнул:

– За кого вы хлопчете?

– Тараканов, Осип Григорьевич. Бывший мой чиновник для поручений. Сидит в Таганке. Арестован явно по ошибке. Купил к Пасхе немного продуктов, был остановлен патрулем и оформлен как спекулянт.

– Что же, его на пустом месте обвиняют?

– Дело в том, что комиссаром того участка, куда был первоначально препровожден Тараканов, служит некто Булгаков, бывший уголовный, которого Тараканов в свое время арестовывал. Свел личные счета.

Рогов побелел и сжал зубы:

– Я попрошу вас, Карл Петрович, выбирать выражения. Многие из нынешних руководителей при прежнем режиме отбывали наказания в тюрьмах и на каторге, например – ваш покорный слуга. И даже те из моих товарищей, кто был осужден за уголовные преступления, в тюрьмах, под влиянием большевиков, перековались и стали идейными борцами. А уж на такую низость из них мало кто способен.

Маршалк промолчал.

– А что, этот Тараканов и впрямь неплохой сыщик? – спросил комиссар.

– Вам про дело Камышкина-Семинариста не приходилось слышать?

– Ну как же, читал в свое время в газетах.

– Открытие шайки Камышкина – заслуга прежде всего Тараканова. Булгаков, кстати, из этой шайки. А у Тараканова и других успешных дел множество. Я могу справочку подготовить.

– Подготовьте.

Когда Маршалк вышел из кабинета, Рогов крутанул ручку телефона и попросил соединить его с ВЧК, с товарищем Петерсем.

– Здравствуй, Яков. Нет, не нашли еще, но найдем, не переживай. Я понимаю, я все понимаю. И у меня по этому поводу разговор, не телефонный. Я подъеду?

* * *

Камера находилась на втором этаже следственного корпуса. Это была большая казарменного вида комната с двумя окнами, забранными крепкими решетками. От межоконного простенка до середины камеры тянулся грязный стол. Вдоль обеих боковых стен располагались ряды нар – тяжелых железных рам, обтянутых грубым брезентом. Нары днем должны были подниматься и прикручиваться к стене, но надзиратели дневному лежанию не препятствовали, поэтому нары никто не убирал. Ни одеял, ни подушек не было – все прихватили с собой бывшие сидельцы, когда с революцией вышли на свободу.

Как ни странно, кормили сносно – в шах даже попадались кусочки мяса, правда, микроскопические. В день полагалась одна часовая прогулка.

В камере периодически появлялись новые лица и также периодически исчезали старые. Какова была их судьба, оставалось только догадываться. Было страшно.

Жена приехала шестого и с легкостью, предъявив только метрику о браке, добилась свидания. Переговариваться полагалось через решетку, но Настя сунула дежурному надзирателю золотую десятку, и он отвел их в пустую камеру.

Все полтора часа встречи жена горько плакала и до того нагнала на Тараканова тоски, что он был рад, когда свидание наконец закончилось. Жена попросила подробно рассказать ей про обстоятельства ареста, пояснив, что так велел Герасим Ильич Фокин. Он же рекомендовал защитника не нанимать, понапрасну не тратиться и обещал сделать все возможное для освобождения бывшего коллеги.

Вернувшись в камеру, Тараканов угостил двоих из сидельцев, с которыми успел подружиться, принесенным женой жареным судаком, и завалился на нары.

10-го в шесть утра надзиратель выкрикнул его с вещами на выход. Тараканова погрузили на автомобиль (почему-то с красным крестом на борту) и отвезли на Лубянку. Там чекист вернул ему саквояж с продуктами и сообщил, что он освобождается.

– Советская власть решила дать вам шанс, Тараканов. И имейте в виду, что если вы доверие народа не оправдаете, то мы с вами опять встретимся. И встреча наша будет сильно отличаться от сегодняшней. Вот вам пропуск и предписание. Езжайте на Гнездниковский к товарищу Маршалку. Он объяснит вам, что нужно делать. Прощайте, я надеюсь.

Ошарашенный Тараканов вышел на Лубянку и побрел, куда глаза глядят. У Большого театра он чуть не попал под извозчика. Только тогда Осип Григорьевич опомнился, сориентировался и поспешил к бывшему дому градоначальника.

* * *

– Вот такие вот дела, Осип Григорьевич. Все теперь исключительно от вас зависит. Раскроете этот гранд, все у нас с вами будет хорошо, ну настолько, насколько это при нынешней жизни возможно, а не раскроете – боюсь, придется вам в тюрьму возвращаться. А может быть, и мне вместе с вами. Сейчас езжайте на место происшествия, я строго-настрого наказал Кузнецову там ничего не трогать, ресторан закрыть и никого туда не пускать. Вот вам значок. Теперь вы – агент Московской уголовно-розыскной милиции. Фокина с собой возьмите. Вопросы есть?

– Да, Карл Петрович. Я вот сыру четвертого числа купил, полтора фунта. Как вы думаете, его сейчас можно есть или он испортился?

Маршалк недоуменно посмотрел на Тараканова.

– Вам бы отдохнуть, Осип Григорьевич, на Воды съездить. Но это после.

– После чего?

– После победы мировой революции. А пока поезжайте в ресторан Кузнецова.

Фокин ждал его в коридоре. Подойдя к Герасиму Ильичу, Тараканов сжал его в объятиях.

По дороге новоиспеченный красный сыщик заглянул на почту и отбил в Каширу телеграмму: «жив зпт здоров зпт свободен зпт подробности письмом тчк».

* * *

Заведение потомственного почетного гражданина Никанора Ефимовича Кузнецова находилось у черта на куличках – у самой Преображенской заставы и снаружи имело вид самый непрезентабельный. Помещался ресторан в полуподвале старого кирпичного дома с двух этажами и никакой вывеской снабжен не был. Спустившись по склизким каменным ступенькам в нишу, посетитель самостоятельно открывал массивную деревянную дверь, обитую оцинкованным железом, и... попал в сказку.

Огромная зала была убрана и меблирована с отменным вкусом. На небольшой сцене по вечерам играл струнный квартет и пела не особо голосистая, но весьма милостивая барышня. Справа от входа помещалась буфетная стойка. В соседнем помещении, у входа в которое всегда находился облаченный во фрак детина саженого роста, располагалось несколько ломберных столов. По мелочи здесь не играли. Несмотря на сухой закон, недостатка в горячительных напитках заведение не испытывало. И подавали здесь отнюдь не «ханжу». Правда, счет за ужин неподготовленного посетителя мог сразить наповал. Слава Богу, неподготовленные сюда не ходили.

У входа в ресторан субинспектор Фокин и агент Тараканов увидели солдата с винтовкой с примкнутым штыком.

– Проходите, граждане, закрыто заведение, – грозно потребовал служивый.

– Свои, братишка. – Фокин предъявил часовому мандат.

Хозяин, тучный сорокалетний господин в прекрасно сшитом костюме, излучал самоодвольную уверенность:

– Наконец-то явились!

Тараканов и Фокин промолчали.

Зайдя в ресторан, Осип Григорьевич стал внимательно разглядывать пустую обеденную залу. На столиках сохранилась сервировка вчерашнего ужина, некоторые стулья валялись на полу. Хозяин строго следовал приказу сохранять обстановку места происшествия без изменений. Взгляд сыщика зацепился за стоявшую на краю буфетной стойки вазу с фруктами, которую венчало большое надкушенное яблоко. Тараканов взял его в руки, повертел и положил обратно в вазу:

– А что, хозяин, есть ли у тебя коньяк?

Кузьмин удивленно посмотрел на сыщика.

– Вы что, столоваться сюда пришли или бандитов искать?

– Бандитов я, считай, уже нашел, поэтому не грех и постоловаться.

Хозяин недоверчиво ухмыльнулся.

– Не веришь? Вот лежит в вазе яблочный огрызок. Кто его туда мог положить? Гость? Мог, конечно, с пьяну-то, но буфетчик его тогда тут же бы и убрал. А раз не убрал – значит, не до этого было. Правильно? Правильно. А из этого выходит, что яблоко пробовал кто-то из налетчиков.

– Точно. Один из бандитов у буфета стоял и нас с буфетчиком на мушке держал. Он-то яблоком и угостился. Еще, гад, сказал, что оно кислотовато! А у меня все яблочки – высшей сортировки.

– А хочешь, я тебе скажу, как этот громила выглядел? Рыжий такой паренек, лет тридцати пяти, щербатый? Так?

– Так! – удивлению ресторатора не было предела.

– Это Фемистокл Пастухов, более известный в определенных кругах как Фимка-Оболтус. Налетчик. В тринадцатом году я при задержании собственноручно выбил ему правый резец и поломал левый. С тех пор у него характерный отпечаток зубов. Правда, он сейчас на каторге должен быть, да, видать, новая власть освободила. Поэтому неси коньяк, гражданин купец.

Хозяин скрылся за стойкой и вернулся с запыленной сороковкой казенки.

– Коньяку-с нет. Водочки извольте. Я ее посетителям по сто рублей предлагаю, но вас, так и быть, угощу.

– От угощения не откажемся. И пожевать чего-нибудь принеси.

Сыщики сели за стол, Тараканов скovyрнул с бутылки сургучную пробку с двуглавым орлом и разлил водку по рюмкам.

* * *

Сытые и немного хмельные, они вышли на улицу. От яркого дневного света Тараканов сощурился.

– Куда теперь? – спросил Фокин.

– Есть у Оболтуса маруха, да не просто подружка, а такая, за которую он готов душу отдать. Огонь-баба, Фимка, почитай, всю добычу ей отдавал. Если не прошла у них любовь, то у нее он сейчас. В Замоскворечье она живет.

– Поедем брать?

– С ума сошел! На гранде пятеро было, а нас двое. И оружия у меня нет. Поедем к Маршалку за подмогой. Черт, совсем из головы вылетело! Надо же протокол написать, огрызок изъять, а лучше его гипсовый слепок сделать.

– Зачем?

– Как зачем? Для суда. Чем доказывать-то будем, если Фимка откровенничать откажется?

– Да плевал ревтрибунал на наши огрызки. Большевики его и без всяких огрызков приговорят.

– Во как! Нет, Герасим Ильич, я так работать не приучен. Вон там аптекарский магазин виднеется, сходи, будь другом, купи гипса. И понятых найди. А я протокол писать стану.

– Слушай, Осип, кто из нас субинспектор, а кто агент? Кто кем командовать должен?

– Ну, командуй.

Фокин с досадой сплюнул и отправился в сторону аптеки.

* * *

Фимка свою Шурочку не разлюбил, почему и был задержан на ее квартире. Вошедший вслед за милиционерами в жилище возлюбленной бандита неприметный товарищ в кожанке быстро отыскал злополучный портфель, покопался внутри и, не сказав никому «спасибо», убыл.

* * *

– Ловко! – Маршалк улыбался.

– Время идет, Карл Петрович, а приемы сыска, которым меня учили, не меняются. Да и повезло мне.

– В нашем деле везет тому, кто везет. Молодец, Осип Григорьевич. Я буду ходатайствовать о назначении вас на должность субинспектора. А это семьсот рублей в месяц! Да и карточки мы на спецскладе отовариваем.

– Спасибо за честь, ваше высокоблагородие, но позвольте отказаться. Не по душе мне в милиции служить.

– Новая власть не нравится?

Тараканов ничего не ответил.

Маршалк встал из-за стола, подошел к двери и выглянул в секретарскую. Затем плотно закрыл дверь, приблизился вплотную к Тараканову и прошептал:

– А вы думаете, я от Совдепии в восторге? Однако ж служу. Во-первых, потому что ничего другого делать не умею, а во-вторых, я считаю, что при любой власти граждане должны иметь право на защиту от таких, как пойманный вами сегодня Оболтус.

– Четыре года назад один австрийский полицейский, служивший под моим началом во Львове, говорил мне то же самое. Недавно я узнал, что он плохо кончил.

Маршалк развернулся и сел за стол:

– К сожалению, господин бывший коллежский секретарь, просьбу о вашей отставке удовлетворить не могу. Не имею полномочий. Вы, наверное, невнимательно читали предписание, которое вам выдали в ЧК. Вы мобилизованы советской властью на службу в уголовно-разыскную милицию. И покинуть эту службу можете не иначе, как с разрешения высшего начальства. Хлопотать о получении такого разрешения не советую – от службы вас, может быть, и уволят, но лучше вам от этого не станет. Поэтому идите к делопроизводителю, получайте подъемные, карточки, оружие, подыскивайте себе жилье и завтра ровно в девять утра жду-с вас в этом кабинете. Честь имею.

Тараканов зашел в бывшую надзирательскую. Фокин пил чай.

- Садись, Осип Григорьевич, угощайся.
- Спасибо, Герасим Ильич, не хочется что-то. Ты не знаешь, где можно комнату снять?
- Эка хватил! Комнату. Сейчас за каждый угол сражение разворачивается, а ты – комнату. Ты вот что, давай ко мне определяйся, а? У меня комната хорошая, две сажени², ватер-клозет, самовар от хозяйки. Поставим вторую койку и заживем, как буржуи. Только половина квартплаты – с тебя. Согласен?

² Фокин имеет в виду квадратные сажени. Две квадратные сажени – это более девяти квадратных метров.

Глава 3

Командировка на малую родину

Дверь в кабинет открылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова агента Устюгина:

– Тараканов! Иди, Розенблум тебя вызывает, – проговорив это, Устюгин убрал голову и захлопнул дверь.

Тараканов выругался про себя – Ванька-Колобок, которого он допрашивал третий час, наконец-то поплыл и вот-вот был готов дать признательные показания. Но если Розенблум вызвал, то являться к нему надо было немедленно, Тараканов уже имел возможность изучить характер комиссара уголовно-розыскной милиции.

– Продолжайте, Степан Васильевич, – сказал он агенту Кольцову, надел висевший на спинке стула пиджак и пошел к Карлу Пертовичу.

В кабинете у Розенблума Тараканов увидел агента Вейсброта – бывшего надзирателя старшего оклада Московской сыскной полиции.

– Разрешите, гражданин комиссар?

– Входи. Леонид Отгович, ты понял? – спросил Розенблум у Вейсброта, очевидно, продолжая прерванный появлением Тараканова разговор.

– Понял.

– Тогда выполняй.

– Слушаюсь. – Вейсброт вышел из кабинета.

– Слушай, Тараканов, – не здороваясь, начал начальник, – ты же из Каширского уезда?

– Да.

– И там служил на железной дороге?

– Да, последние полгода, конторщиком на товарной станции.

– А станция Ожерелье в вашем уезде?

– В нашем. Восемь с половиной верст от станции Кашира.

– Вот и отлично. Вчера ночью на перегоне между Каширой и Ожерельем был ограблен багажный вагон поезда «Москва – Тамбов». Громилы убили трех сопровождавших и забрали девять миллионов рублей, отправленных Совнаркомом для раздачи жалованья тамбовским рабочим. Собирайся, выезжаем немедленно, я договорился, нам подадут экстренный поезд.

Тараканов хотел было сказать про Колобка и про перспективы раскрыть минимум десять разбойных нападений, но сказал только: «Слушаюсь!»

* * *

Настя примчалась вечером десятого, сжала Тараканова в объятьях и опять начала рыдать. Когда жена успокоилась, он рассказал ей о мобилизации, после чего рыдания возобновились.

– Ну хватит, Настя, хватит. Большевики страну до ручки довели, поэтому долго не продержатся. Я думаю, к осени кончится моя мобилизация.

– А когда старая власть вернется, простят тебе службу в большевистской полиции?

– Так я же по принуждению... – сказал Тараканов неуверенно. – Но все равно, выбора у меня сейчас нет. Не в бега же мне подаваться. И потом, при любой власти обыватель имеет право на защиту от воров и убийц.

Порешили, что Настя с ребенком продолжат жить в Кашире, на матушкином молоке, а Тараканов будет их навещать по мере возможности. Несколько месяцев такое положение дел можно было и потерпеть.

За две недели семью не удалось навестить ни разу. Он и в комнате у Фокина за это время ночевал только пару раз, все остальные ночи провел либо на осмотрах, обысках и задержаниях, либо – кемаря на стульях в кабинете. Новоиспеченный субинспектор до того осунулся, что был вынужден подвязывать веревкой свои довоенные брюки, которые месяц назад были ему чуть маловаты.

Поэтому, едва очутившись в вагоне экстренного поезда, Тараканов прислонился к стенке и тут же уснул.

* * *

В Ожерелье их встречала целая делегация. Люди в ней были почти все Тараканову знакомые: начальник службы движения инженер Калабушкин, начальник станции, начальник уездной милиции Трофимец, городской врач Смирнов и урядник, тьфу ты, черт, старший милиционер Харламов – единственный чин каширской полиции, сохранивший свою должность после двух революций.

Калабушкин предложил отобедать после дальней дороги, но Розенблюм решительно отказался и потребовал провести их на место происшествия.

Ограбленный вагон был отцеплен от поезда и отогнан маневренным паровозом на запасной путь, в дальний угол станции. Вход в вагон охранял юноша в фуражке реалиста, кожаной куртке и со «Смит и Вессоном» в кобуре на поясе.

Багажный вагон, как и всякий его собрат, эксплуатировавшийся в Российской империи, состоял из двух отсеков, разделенных дощатой перегородкой: меньшего, в котором находилась комнатуха багажного кондуктора, и большего, где непосредственно и размещался груз. В лобовой части вагона находилась открытая площадка, имевшая дверь в кондукторский отсек. Багажная часть вагона была снабжена двумя раздвижными воротами, с каждой боковой стороны.

Трупы, по приказу из Москвы, никто не убирал.

Кондуктор лежал у входа в свою комнатуху, головой к левому от входной двери окну. Это был парень лет двадцати пяти, высокий, плотный, с копной густых светло-русых волос. Пуля попала в левую часть его груди, и на черной форменной тужурке расплылось темно-бордовое пятно. Милиционер – бородач в старой солдатской шинели – сидел на стуле у противоположного окна. Все его лицо, стена вагона и стекло окна были залиты кровью. Его винтовка валялась тут же, на полу.

Чиновник наркомфина находился в багажном отсеке – лежал на куче тюков и деревянных ящиков у задней стенки вагона. Несмотря на то что одна из боковых дверей вагона была приоткрыта, ядовитый пороховой дым из помещения еще не выветрился.

Тараканов долго наблюдал за тем, как бессмысленно суетятся набившиеся в вагон люди, а потом не выдержал и громко спросил, обращаясь к Розенблюму:

– Товарищ комиссар! Разрешите начать осмотр?

Розенблюм аж вздрогнул от неожиданности.

– Да-да, начинайте.

– Тогда, товарищи, попрошу всех покинуть помещение и не мешать осмотру. В вагоне останемся я и доктор, а также вы, гражданин Калабушкин, и вы, простите, не знаю, как вас звать. – Осип Григорьевич вопросительно посмотрел на начальника станции.

– Терновский, Дмитрий Николаевич.

– И вы, Дмитрий Николаевич. Будете понятыми.

Субинспектор достал из кожаной папки бланк протокола осмотра и вопросительно посмотрел на присутствующих.

– Давайте выйдем, покурим, – тоном приказа предложил Розенблюм.

Милицейское начальство вышло. Тараканов перешагнул через труп кондуктора, сел на откидной стул, положил на столик бланк и посмотрел на доктора Смирнова. Тот поставил свой саквояж прямо на пол, снял пальто и стал засучивать рукава.

* * *

– Что скажете, товарищ Харламов? – Тараканов достал папиросу, а потом протянул пачку бывшему уряднику.

– Премного благодарен, ваше благородие! – Урядник сунул папиросу в рот, чиркнул спичкой и, спрятав ее в ладонях, поднес Тараканову.

Дождавшись, пока субинспектор раскурит плохой табак, он закурил сам и только после этого ответил:

– А черт его знает. С Каширы до Ожерелья поезд все время в подъем идет, скорость до десяти верст опускается. Запрыгнуть на площадку – дело плевое. А в темноте никто и не заметит. Вот только что потом? Как они собирались в вагон проникнуть?

Багажные вагоны всегда помещались впереди поезда, перед пассажирскими. Во избежание возгорания от искр паровоза передние их части обивались железом. Железом была обита и входная дверь. На всем пути следования эту дверь полагалось держать закрытой. Багажный кондуктор имел право открывать ее только на станциях погрузки или разгрузки, при полной остановке поезда. Между тем замок на двери был целехонек, сама дверь никаких следов взлома не носила. Отсутствовали повреждения и на боковых дверях, а открыть их, не повредив, можно было только изнутри вагона.

Тараканов выпустил струю дыма и сказал:

– Раз проникли, значит, дверь им кто-то открыл. Кто-то из тех троих, что внутри находился. Ключа от вагона мы не нашли, выходит, они его с собой захватили. Идем далее. Денег взяли девять миллионов. Какими купюрами, я не знаю, но даже если вся сумма состояла из одних «каты»³, то и тогда похищенное на несколько пудов тянет.

– А если все мильоны тысячными «керенками» были?

– Вряд ли. Деньги на выдачу зарплат везли, а зарплаты-то не тысячные! Но мы это уточним. Так вот – такую ношу на себе не унесешь. Выходит, подвода была. А раз подвода, то среди грабителей кто-то местный. Ну не приехали же они сюда на лошади из Москвы!

– Опять пойдем лошевладельцев шерстить, как в шестом годе?

– Без толку. Тогда мы точно знали, что экспроприаторы лошадей в городе нанимали. А теперь? Весь уезд прошерстить придется, а в деревнях, почитай, в каждом дворе по лошади. Да и возница в доле: не поехал бы несведущий человек ночью в полосу отчуждения железной дороги. А раз в доле, с нами откровенным не будет... – Тараканов задумался. – Харламов, а что это за скорый поезд такой, который у каждого полустанка останавливается?

Старший милиционер пожал плечами.

Субинспектор подошел к Терновскому:

– Дмитрий Николаевич, скажите, а поезд в Ожерелье имел остановку?

– Нет! В том-то и дело, что нет. В Кашире ему паровоз поменяли, и он должен был до Узунова без остановки дуть. Это мы его в Ожерелье задержали – дальше однопутка, а с Узунова телеграмма пришла – надо было экстренный пропустить. Машинист на платформу вышел размяться и увидел, что дверь в багажный вагон открыта, вот он тревогу и поднял. А так бы до Узунова не хватились, а это еще два часа ходу. Да и там могли не хватиться, если багаж грузить-выгружать не надо было. Тогда до Михайлова.

– А в Кашире багаж грузили?

³ «Катя» – сторублевая купюра (*жарг.*).

- Я наверно не знаю, но скорее всего – да. Я могу телеграфировать, справиться.
- Будьте любезны.
- К беседе подошел Розенблюм:
- Закончил, Тараканов? Если да, тогда пойдем в контору совещание проводить.

* * *

Тараканов встал и откашлялся.

– Картина ограбления мне видится следующей. Преступление произошло между часом и половиной второго ночи – в час поезд отошел от станции Кашира, где в багажный вагон производилась погрузка, а через полчаса машинист обнаружил ограбление. Преступники запрыгнули в поезд на ходу, между станциями, и их сообщник открыл им дверь. После этого они застрелили кондуктора и милиционера, потребовали у чиновника указать на денежный груз, потом застрелили и его. Открыли боковую дверь, выкинули баулы в поле, сами спрыгнули вслед за ними. Ноша тяжелая, поэтому без лошади они обойтись не могли. Следовательно, привлекали местного возчика. Мои предложения: осмотреть путь между станциями, местные товарищи говорят, что третьего дня шел сильный дождь, поэтому на прилегающей к полотну местности должны остаться следы. Вряд ли, конечно, по ним мы установим преступников, но направление поисков они нам подскажут. Далее – проверить убитых, изучить их биографии, связи, знакомства. Для этого просмотреть дела в управлении дороги, в наркомате финансов и в управлении милиции. У меня все.

Розенблюм повернулся к начальнику милиции:

- Товарищ Трофимец, прочесывание организовать сможете?
- Сделаем, товарищ комиссар. Своих сил, конечно, не хватит, так я к деповским рабочим обращусь, товарищи помогут.
- Отлично. Займитесь этим немедленно. Еще какие-нибудь предложения будут, товарищи?
- Разрешите, товарищ комиссар? – нерешительно спросил Харламов.
- Слушаю вас, товарищ.
- Тут в версте от станции деревенька есть – Слободка. Так у тамошних жителей железнодорожные кражи – что-то навроде промысла. Поезда, особенно тяжелые, на станцию тихим ходом идут, вот и приноровились крестьяне вагоны грабить. Если вагон открытый, с углем там или с дровами – сверху залазят, если закрытый – топором могут дырку в стенке прорубить. Мужики с вагонов товар скидывают, а бабы с ребятишками подбирают и домой волокут. Не мешало бы слободских проверить.
- Ну что ж, предложение дельное. Вы этим и займитесь. Товарищ Трофимец, выделите товарищу людей в помощь.
- Еще бы ордерок.
- Какой ордерок?
- Так обыска надо проводить, а без ордеров вроде не велят теперь.
- Да как же я тебе дам ордер, если я не знаю фамилий обыскиваемых?
- А я вам сейчас назову.

* * *

След от повозки нашли аккурат посредине между станциями, в четырех верстах от каждой. Судя по оставленным в весенней грязи отпечаткам, к дороге подъезжала одноконная крестьянская телега. Никаких особых примет след не имел. Кончался он в пяти верстах от железнодорожной линии – на гравии Большой Зарайской дороги. Искать дальше было беспо-

лезно. От того места, где кончался след, до дома Тараканова по прямой было не более двух верст, поэтому субинспектор решил провести семью. Наказав деповским рабочим, с которыми он занимался розыском, передать начальству, что скоро будет, Осип Григорьевич поспешил домой.

Когда он, грязный и промокший, ввалился в избу, обе его женщины завыли, как по покойнику. За ними заревел и сынишка. Пришлось всех успокаивать. Первой пришла в себя мать и тут же поспешила собирать на стол.

После огромной тарелки шей с куском говядины и сковородки жареной картошки на настоящем сливочном масле Осип Григорьевич полулег на диван, блаженствуя, закурил папироску.

– Папка, ты где был? – сын устроился рядом и прижался к нему всем телом.

– В Москве, сынок. – Тараканов рукой отогнал от ребенка табачный дым и затушил папиросу.

– Гостинец мне привез?

– Нет, сынок, не привез. В следующий раз приеду, обязательно привезу.

– А ты разве не навсегда приехал?

– Нет, нонче же надо на службу возвращаться. Да и тебе за гостинцем.

– Не ходи никуда, оставайся дома, мне гостинцы не нужны.

– Нельзя, сын, начальник заругает.

Личико у Ваньки скривилась в начинающемся плаче.

– Это что такое, а? Не вздумай плакать. Ты что, барышней у меня растешь? Тебе, может быть, куклу в гостинец привести? Не плачь, говорю. Я недолго на службе буду, скоро навсегда приеду.

– Сколько дней?

– Точно не знаю, мало.

– Шесть?

– Немного поболее. Дней пятнадцать.

– Уже тепло будет, когда приедешь?

– Наверное, тепло.

– Тогда пойдем на речку купаться?

– Пойдем, и искупаемся, и рыбы наловим. Снасти-то наши в порядке?

Через час он вышел на улицу. За ним следовало все семейство.

– А что, мать, подорожали небось извозчики?

– Почем мне знать, я пешком хожу.

– Не подорожали, как стоили два рубля до станции, так и стоят, – сказала жена.

– Тогда пойду на Московскую, найму «ваньку». Устал я что-то, да и спешить надо.

* * *

Розенблюма он нашел в конторе пассажирской станции. Начальник проводил очередное совещание.

– А, Тараканов, явился! Где шлялся?

– Домой заскочил, товарищ комиссар, с семьей повидаться.

– Ты сюда что, отдыхать приехал? Товарищи мне уже доложили о твоих «успехах». Только зря время потерял и людей от работы оторвал. «Лекок» хренов. А вот товарищ Харламов паек свой не зря получает. Пока ты матушкиными пирожками брюхо свое набивал, он и похищенное нашел, и преступника.

Ошеломленный субинспектор молчал.

– Телеграмма пришла из Ожерелья, вот, почитай. – Комиссар бросил Тарakanову кусок телеграфной ленты.

«Деревне Слободка найдены баулы денег арестован василий харитонов мясоедов» – прочитал Осип Григорьевич.

– Через пять минут ростовский «скорый» прибывает, мы на нем в Ожерелье и отправимся, придется «скорому» сделать там непредвиденную остановку. Твое счастье, что успел.

* * *

Оказалось, что никаких денег найдено не было. Телеграфист, по своей телеграфской привычке не передал союзы, предлоги и прочие мелкие части речи. В оригинале текст телеграммы звучал так: «В деревне Слободка найдены баулы из-под денег. Арестован Василий Харитонов Мясоедов».

Розенблум телеграфиста чуть не убил.

– Сволочь буржуйская! Ленту, сукин сын, сэкономил или ток электрический? Или лень тебе было пару лишних раз ключом ударить? Моли бога, что я в Москву не успел отрапортовать, а то бы не сносить тебе головы!

Оказалось, что Харламов, производя обыск у одного из известных ему железнодорожных воров, нашел три казенных брезентовых баула с трафаретными надписями: «Н.К.Фин. Р.С.Ф.С.Р.» и остатками сургучовых печатей.

Когда Розенблум вошел в кабинет начальника станции, Мясоедов – тщедушный мужичонка в рваной поддевке – бухнулся на колени:

– Нашел я брезент, ваше превосходительство, нашел, Христом Богом клянусь! – завыл он.

– Какое я тебе «превосодительство», сукин ты сын! Все мозги свои пропил? Где нашел, когда?

– Виноват, виноват, господин товарищ комиссар. Виноват! Сегодня нашел, поутру, у железки.

– А чего ты там поутру делал? А?

Мясоедов опустил голову.

– Дык мы это... Дровишек пару поленьев с поезда скинул, а когда собирал, мешки энти и увидел.

– Значит, с вагонов воровал? Государственное имущество похитить хотел? Московских рабочих без дров хотел оставить?

Недоумению Мясоедова не было предела:

– Дык нешто с полсажени поленьев Москва убудет? Туда небось таких саженой мильон каждый день подвозят. Сколько лет с вагонов кормимся, а Москва до сих пор не замерзла.

– Вот видите, товарищи, как он рассуждает! – обратился Розенблум к присутствующим. – Типичный люмпен. Вчера вязанку дров украл, сегодня – людей убил и вагон с деньгами ограбил.

– Не убивал, не убивал, барин! – заорал Мясоедов.

– Трофимец! – позвал начальника милиции комиссар.

– Я!

– Везите его к себе. Даю вам ночь. Чтобы к завтрашнему утру этот люмпен указал, куда спрятал деньги, и назвал соучастников. Вопросы?

– Никак нет, товарищ Розенблум! Разрешите выполнять?

– Выполняйте.

– Тараканов!

– Я.

– А почему бы вам не пригласить меня к себе в гости? А то в здешних номерах наверняка клопов – тьма тьмущая.

* * *

Когда вернулись в Каширу – уже начинало темнеть. Розенблюм пошел на вокзал, отправить в Москву телеграмму о результатах розыска. Тараканов ждал его на улице минут двадцать. Потом комиссар через сторожа сообщил, что остается ночевать на станции.

– Начальник его соблазнил, – сообщил сторож. – Сейчас сидят, коньяк пьют, а кухарка им ужин стряпает. Велел вам завтра в восемь утра быть.

Прежде чем ехать домой, субинспектор решил прогуляться вдоль линии.

«Между станциями восемь верст. При хорошем ходе поезд преодолет их минут за десять. Из-за подъема он ехал полчаса. Бандитам надо было успеть заскочить, отворить дверь, расправиться с сопровождающими, найти деньги, выкинуть их из поезда и спрыгнуть самим. Получается, что сесть на поезд им нужно было как можно ближе к Кашире, чтобы времени на само ограбление осталось как можно больше. Да и запрыгнуть в только что отправившийся поезд проще. Багажный вагон – первый от тендера паровоза, и его площадку оттуда не видать. По инструкции машинист, начав движение, должен несколько раз обернуться и посмотреть на станцию – убедиться, все ли в порядке и нет ли сигналов к остановке. Если бандиты это знали, то первые саженой сто они на поезд садиться бы не стали. А на открытой местности стоять им было несподручно – бригада могла их увидеть. Выходит, что они где-то спрятались, а когда поезд проехал мимо – заскочили на площадку. Где?»

Тараканов перешагнул через пути и оказался на крутом склоне железнодорожной насыпи. Внизу, саженьях в двадцати пяти, располагались маленькие домики станционных служащих. Подсвечивая купленным во Львове электрическим фонариком, субинспектор двинулся вдоль насыпи в сторону Ожерелья. Пройдя с полверсты, он увидел то, что искал – вдавленные в мокрую землю пустые рогожные кули. «Здесь, здесь они прятались! Три-четыре человека». В ожидании поезда налетчики курили – Тараканов обнаружил шесть гильз от папирос «Асти» фабрики «Дукат» – удовольствия по нынешним временам недешевого.

Субинспектор принялся было собирать окурки, потом вздохнул и пошел на станцию – за понятами.

* * *

В 8 утра следующего дня Тараканов стоял перед начальником свежий и бодрый как огурчик – ночь, проведенная дома, стоила недели отдыха. Зато Розенблюм выглядел так, как будто всю ночь разгружал вагоны. И несло от него, как из винной бочки. Начальник хотел спустить свою похмельную злость на субинспектора, но в это время в кабинет зашел Трофимец.

– Ну что, раскололи?

– Не признается, товарищ комиссар, как мы ни бились. Стоит на своем – нашел, и все!

– Значит, плохо бились! Работать не умеете!

– А я думаю, не он это, товарищ Розенблюм, – подал голос Тараканов.

– Что? Как это не он?

– Ну сами посудите: во-первых, баулы он никуда не прятал. Харламов мне вчера сказал, что они у него во дворе на веревках висели, сушились. А стал бы бандит, укравший девять миллионов, так себя подставлять? Зачем вообще человеку, у которого есть пара миллионов, подбирать баулы? Во-вторых, судя по всему, ограбление было задумано и спланировано умным человеком. А стал бы умный человек иметь дело с этим Мясоедовым, который всю свою жизнь ворует с железки и про которого и полиции было известно, и милиции? Ведь Харламов пошел

к нему чуть ли не к первому. Зачем организатору гранда так рисковать? И зачем оставлять такого соучастника в живых? Он не пожалел того, кто ему вагон отпер, а уж этого бедолагу и подавно бы в расход пустил. И вообще, на кой он им сдался? Похищенное увезли на лошади, следовательно, у преступников был соучастник из местных, но у Мясоедова лошади нет.

– Не он, говоришь. Хорошо, тогда кто?

– Пока не знаю.

– Ты не знаешь, Трофимец не знает. Зато я знаю. Рассуждения твои, Тараканов, гроша ломаного не стоят. Нет у тебя партийной подготовки. Ты плохо знаешь крестьянство. Плохо ты изучил характер мелкого собственника. Мужик куска гнилой веревки не выкинет. А тут – несколько аршин прекрасного брезента! У него рука не поднялась его выбросить. Привезли бандиты деньги в его дом, переложили в другую упаковку, может быть, даже приказали ему баулы сжечь, а он пожалел. И то, что он полиции личность известная, тоже во внимание принимать нельзя. Бандиты считают, что полиции он известен, а милиции – нет. И правильно, в общем-то считают. Если бы советская власть не доверила бы Харламову служить в милиции, знали бы мы про Слободку? Вот ты тоже из бывших полицейских, знал ты про Мясоедова?

– Нет.

– Вот! А откуда об этом мог знать товарищ Трофимец? Знал ты про Мясоедова, Трофимец?

– Я только три месяца как по милиции служу, а до этого слесарил у Сан-Галли⁴.

– Вот и я про то. Откуда питерскому пролетарию знать про здешнего Мясоедова? На это-то бандиты и надеялись. Ну а то, что у него лошади нет – значит, был еще один местный, с лошадьё, может быть, из той же Слободки. И какой из всего мною сказанного мы можем сделать вывод? А вывод очень простой. Собираемся и дуем в Москву. Здесь нам пока делать нечего. Мясоедова берем с собой и показываем нашим московским специалистам. Они его быстро разговорят! Трофимец продолжает заниматься розыском на месте. Вопросы?

Арестованного пришлось, в нарушение всех инструкций, везти в багажном вагоне – лицо Мясоедова представляло собой сплошной кровотокающий синяк. Пристроившись на жестком стуле напротив задержанного, Тараканов отвернулся к окну и стал смотреть на купола церквей убежавшего от него родного города.

⁴ Сан-Галли – владелец нескольких промышленных предприятий в Санкт-Петербурге.

Глава 4

Метод личного сыска

Вечером 28 мая Тараканова вызвал к себе Маршалк.

– Вы знаете, что Мясоедов признался?

– В чем, в покушении на Ленина?

– Осип Григорьевич! – прошипел Маршалк. – Вы когда-нибудь договоритесь, поставят вас к стенке. В соучастии в ограблении поезда он признался.

– Я не удивлен. И где деньги рассказал, и подельников назвал?

– Подельников он якобы не знает, говорит, что познакомился с ними случайно, а деньги они будто бы с собой увезли. В общем, от его признания господам комиссарам ни холодно ни жарко – с них не признания какого-то босняка требуют, с них требуют девять миллионов найти. А они не могут. Может быть, мы постараемся, а, Осип Григорьевич?

– Так Розенблум это дело Устюжину поручил.

– Розенблум! Слава богу, пока я здесь начальник. – Маршалк помолчал. – Товарищ комиссар считает, что за полгода он и его пролетарии стали доками в сыскном деле и раскрыть любое преступление – им раз плюнуть. И значит, старые специалисты новой власти не особенно-то нужны. Понимаете, чем нам это грозит?

– Демобилизацией.

– Вы думаете, они нас с вами отпустят? Они нас не трогают только до той поры, пока без нас обойтись не могут. А как только им покажется, что потребность в нас отпала, они нам все припомнят. Мне – полицмейстерство и «Владимира» за восстановление порядка в Пскове в 1906 году, вам – что-нибудь другое. Ведь наверняка есть что припомнить?

– Я, Карл Петрович, всегда воров и убийц ловил, и их партийная принадлежность меня никогда не интересовала.

– Вас не интересовала, а новую власть заинтересует. И потому я вас и призываю воров и убийц ловить. Без оглядки на их партийную принадлежность. Много у вас сейчас дел в производстве?

– До черта и больше. Вчера вот весь день в Гавриковом переулке пробыл.

«В воскресенье, 26 мая 1918 года, примерно с 2 часов дня и до самого вечера во всей Москве слышались взрывы оглушительной силы. По всему городу тянулся густой темный дым. Горела товарная станция Казанской железной дороги в Гавриковом переулке. Пожар возник в результате поджога: на станции было большое количество вагонов с продовольствием и мануфактурными грузами. Охрана этот товар расхищала. Вагоны подожгли, узнав о предстоящей ревизии. Несколько десятков человек погибло и было ранено. Сгорело свыше пятисот вагонов, из них – 22 со снарядами. Кроме того, сгорели платформы и несколько домов. По предварительным подсчетам, убытков причинено на 300 миллионов рублей».

Из дневника обывателя.

– Слава богу, это дело сегодня ЧК себе забрало. Я постараюсь вас разгрузить. Займитесь вплотную ожерельевским ограблением. И мое поручение не афишируйте. О ходе розыска будете докладывать лично мне, а на общем совещании – помалкивайте. А теперь расскажите, как собираетесь искать?

* * *

Надо отдать Розенблюму должное – он пытался установить источник, из которого налетчики узнали о перевозке столь ценного груза, для чего направлял агентов в Наркомфин. Но ничего интересного в финансовом ведомстве найти не удалось – решение о выделении Тамбову девяти миллионов было принято накануне ограбления, причем принималось коллегией Комиссариата по требованию ВЦИК. Подозревать в налете всю финансовую верхушку республики не приходилось, поэтому в этом направлении копать перестали.

Тараканов решил искать не сверху вниз, а снизу вверх – выяснить, кто из трех убитых подводчик. Для этого требовалось изучить личности кондуктора, милиционера и чиновника. Этим-то Тараканов и занимался несколько следующих дней.

* * *

Заниматься, правда, приходилось урывками – несмотря на обещание, Маршалк от других дел его не освободил. Поэтому в распорядительный отдел Московской милиции Тараканов попал только 30-го. Там он узнал, что убитый младший милиционер – Дмитрий Терентьев, ратник ополчения второго разряда, мобилизован из Вологодской губернии зимой семнадцатого. Службу проходил в Москве, в запасном батальоне. После Октябрьского переворота Советом рабочих и солдатских депутатов был направлен в московскую милицию. Служил во втором Пятницком участке.

К Булгакову Тараканов не пошел, послал Фокина. Герасим Ильич выяснил, что пятницких милиционеров частенько привлекают к сопровождению денежных грузов – вокзал-то на их участке. Вот и 23-го часов эдак в шесть вечера телефонировали из Моссовета и велели послать к восьми сотрудника к тамбовскому поезду. Булгаков Терентьева и послал. Тот еще ехать не хотел, больным сказывался. Но Булгаков велел не рассусоливать, а отправляться. Характеризовал своего подчиненного бывший стрелочник в целом положительно, взысканий тот не имел, впрочем, как и поощрений.

* * *

В Управлении Рязано-Уральской железной дороги, куда Осип Григорьевич пришел в последний день весны, охарактеризовать багажного кондуктора Илью Алексева Бочарова затруднились – в связи с непродолжительным сроком службы. На место он поступил только месяц назад. Командировка у него была плановая. Об особо ценном грузе руководству дороги сообщили в день отправки, а Бочаров о нем узнал, только когда вагон принимал. Вообще-то отправка денег в простом багажном вагоне в последнее время не редкость, почтовых-то не хватает. Но таких значительных сумм никогда не перевозили.

Тараканов полистал тощее личное дело кондуктора. Оказалось, что московский мещанин Бочаров – питомец воспитательного дома, следовательно, круглый сирота.

– Мы его и похоронили за свой счет, – сказал помощник делопроизводителя.

– А его личные вещи где хранятся?

– Вещей-то никаких и не было. Шинель казенная, две пары белья, штиблеты, пиджак, штаны в полоску, пара сорочек – вот и все. Здесь все лежит.

– Ну а бумаги какие-нибудь, письма там, карточки?

– Паспорт мы в отдел записи браков и рождений сдали. Письма были, целая пачка. И карточка была. Но я их отдал.

– Кому?

– Барышня приходила. Та, чья карточка. Сказала, что это были ее письма. Еще у него деньги были, немного, что-то около трехсот рублей. Да и от дороги ему кое-что причиталось. Но денег я барышне не отдал – не жена она Бочарову.

– А что за барышня, как зовут, где живет, не знаете?

– Она не говорила, а я и не спрашивал. Сверил физиономию с карточкой, да и отдал. Портрет и письма ценным имуществом не являются.

Тараканов осмотрел вещи покойного и пошел осматривать его жилище.

Жил Бочаров на казенной квартире, занимал комнату вместе с неким Денисом Стрельцовым – младшим пассажирским кондуктором. Дениса субинспектор застал дома – тот отсыпался после двухдневной поездки и поэтому визиту милиционера не обрадовался.

– Ильюху мне жаль, мужик был справный. А я даже на похороны не смог прийти – в поездке был.

– А были ли у него друзья, не знаете?

– Не знаю. Если честно, мы с ним знакомы-то были мало. Он здесь всего с месяц как появился. А работа-то у нас, сами знаете, какая – то я в поездке, то он. Почитай, и не видались. И выпить вместе только один раз успели. Двадцатого, когда жалованье получили. Вспомнил! Барышня у него была, зазноба.

– Кто такая?

– Видать-то я ее ни разу не видал, Ильюха рассказывал. Нам двадцатого, как это обычно бывает, не хватило. Он мне и предложил съездить на Солянку, там, мол, найдем водочки. Я поначалу отказывался – видное ли это дело с Зацепа на Солянку за вином тащиться, чай, и здесь найти можно. А он говорит – здесь «катию» за разведенный спирт отдавать, а там – настоящей казенки бесплатно получим. У меня там, говорит, тестюшка будущий торговлю держит, он нас угостить не откажется. Поехали. Пока добрались, хмель почти сошел, трамваи, сами знаете, как нонче ходят. Зашли там в кухмистерскую, Ильюха велел мне подождать, а сам за буфет нырк. Вернулся быстро, полу пинджак отвернул, а там – бутылка. Ну мы ее, родимую, в парке у Воспитательного дома из горлышка и уговорили. Пока домой шли, Ильюха мне про любовь свою и рассказал. Девку он эту давно заприметил и даже сватался, да батюшка ейный отказал – мол, не отдаст дочку за гольтепу. Но в последнее время вроде подобрел. А что, место у Ильюхи хорошее было, хлебное. Имя у барышни его красивое – Аксинья.

– А где на Солянке кухмистерская, в каком номере?

– Номер не припомню, как от площади идя, вы на Солянку повернете, так третий справа дом будет.

Зайдя в кухмистерскую, Тараканов заказал тарелку супа, кусок хлеба и чай. Заплатив за этот более чем скромный обед 13 рублей, субинспектор принялся хлебать довольно вкусную похлебку. Вместо ожидаемой чайной пары ему принесли только один стакан. Подавала барышня. Поставив перед посетителем чай, она стала протирать соседний столик. Осип Григорьевич ею залюбовался. Это была высокая брюнетка с пухлыми губками и бездонными карими глазами.

– А вас, барышня, часом, не Аксинья зовут?

Девушка испуганно посмотрела на Тараканова:

– А вам какая надобность в моем имени?

– Побеседовать с вами хочу по одному делу. Насчет Ильи Бочарова.

Подавальщица буквально сжалась в комок и быстро пошла по направлению к буфету.

– Куда же вы, красавица? – Тараканов поднялся вслед. Но к нему уже спешил широкоплечий паренек лет двадцати в белоснежном фартуке поверх косоворотки.

– Вам чего, гражданин, надо? Вы кушать сюда пришли или к дамам приставать? Если кушать – так ешьте, а коль поели, так милости просим, тут не вокзальный зал ожидания.

– С каких это пор в столовых время посещения ограничено?

– С прошлогодних.

– Колька, цыц! – К ним подошел крепкий пятидесятилетний бородач в летнем сером сюртуке, из нагрудного кармана которого виднелась массивная золотая часовая цепочка. – Для нас, гражданин, каждый посетитель – гость дорогой, но и вы себя должны вести прилично и не цепляться к служающим, тем более, коли оне барышня.

– Я не цепляюсь. Вы хозяин будете?

– Угадали, хозяин пока еще. Лабухин Афанасий Дмитриевич, с кем честь имею?

– Тараканов Осип Григорьевич, субинспектор уголовно-сыскной милиции. Расследую дело об убийстве Ильи Бочарова. Вам это имя знакомо?

– Знакомо. Девки моей хахаль. Сватался к ней. Но я ему отказал.

– Почему?

– А потому что каждый родитель дитю своему только добра желает. А если бы Ксюшку за эту голь перекатную отдал бы, то несладкая была бы у ней жисть. Впрочем, она сейчас у всех несладкая. Так Илья еще при старой власти сватался. Он тогда на какой-то мануфактуре трудился за двадцать рублей в месяц. А Ксюша как барыня у меня жила, руки свои черной работой не марала, на то другие люди были. Это сейчас я всех повыгонял.

– Почему?

– А больно много просить стали. Жалованье им плати, да еще и корми. Теперь вот с дочкой и сыновьями управляюсь. Ребят-то у меня четверо. Младшие всегда при мне были, а старшие нонешней весной, слава Богу и советской власти, с войны пришли, живы-здоровы.

– А с Бочаровым в последнее время не общались?

– Поначалу-то нет, и Ксюхе запретил. Так и сказал – узнаю, что с Ильюшкой водишься – на улицу выкину. Она девка-то у меня послушная, по-старому воспитанная, отцу перечить не смеет. Но в последнее время Ильюха поднялся, в кондукторы вышел, жалованье хорошее получал, паек. Да еще и на слепых пассажирах⁵ зарабатывал. Он поднялся, а я опустил. Сравнялись мы с ним, ну а ровне чего не дружить? Глядишь, через месяц-другой и отдал бы за него Аксинью.

– С ней можно поговорить?

– Зачем девке рану-то беречь будете? Она так каждую ночь волчицей воет. Никак забыть его не может.

Подумал, подумал Тараканов и решил девичью рану не беречь. При родителе.

* * *

На следующий день, с утра, субинспектор отправился в Наркомат финансов. Там многого про бывшего коллежского асессора Владимира Ивановича Тимофеева тоже рассказать не смогли.

– Видите ли... – замаялся его начальник, – Наркомат перевели в Москву всего пару месяцев назад, питерские чиновники сюда переезжать отказались и вообще службу, как это сейчас принято говорить, саботировали, вот и собрали в новое ведомство с бору по сосенке. Я, например, раньше по акцизу служил, а Владимир Иванович – в губернском казначействе. В общем, служащие друг с другом ранее знакомы не были. А служба наша к близким отношениям не располагает – у каждого свой стол, свое делопроизводство, свои документы. Я знаю о нем совсем немного – по нашему ведомству он служил более двадцати лет. Из дворян Смоленской губернии. Чиновник исполнительный, аккуратный. В командировки ездил часто.

⁵ Слепыми на железных дорогах Центральной России называли безбилетных пассажиров (от *жарг.* глаз – паспорт, безглазый, слепой – беспаспортный, безбилетный).

Оказалось, что о поездке в Тамбов Тимофееву сообщили только накануне – выплата была неплановой, Тамбовскому совету удалось выбить кредит в девять миллионов для выплаты фабричным рабочим, которые от безденежья уже собирались бастовать. Нежелания ехать Тимофеев не высказывал, хотя из предыдущей командировки вернулся буквально накануне.

– Скажите, а какие-нибудь личные вещи у него на службе остались? Бумаги, документы? Где его стол?

– На его место товарищ Беляев назначен. – Начальник показал на интеллигентного вида мужчину лет сорока пяти с бородкой клинышком, который что-то усердно записывал в огромную канцелярскую книгу: – Он сейчас его стол занимает. Мы оттуда все личные вещи Владимира Ивановича вот в эту коробку убрали. Все никак не соберемся вдове передать, право слово, стыдно.

– Разрешите, я посмотрю?

В коробке лежал дорогой, даже на вид, письменный прибор с дарственной надписью, черепаховая расческа и записная книжка. Тараканов ее полистал. Из книжки выпал лист бумаги, на которой красивым почерком старого канцеляриста была сделана карандашная запись: «Ожер. Остановиться Литейный, 60, «Интернационал». Главпочтамт до востребования Абакумову готов полностью и номер комнаты».

Узнав домашний адрес Тимофеева и получив разрешение забрать на время записную книжку, Тараканов попрощался, попросив начальника при поступлении новых сведений ему протелефонировать.

* * *

Он уж было хотел нанять извозчика, и только запрошенные «ванькой» 50 рублей пыл субинспектора охладил. Тараканов взял штурмом трамвайный вагон и всю дорогу мысленно подгонял вагоновожатого. Дверь к начальнику отворил без стука. Но Маршалка в кабинете не оказалось. На его месте важно восседал Розенблюм.

– Тараканов, тебя в гимназии стучаться не учили, что ли?

– А где Карл Петрович? – удивленно спросил субинспектор.

– Кончился твой Карл Петрович. Получил разрешение на выезд в свою Курляндию и тут же смылся. Но ничего, мы и без него справимся. Кстати, а ты какого черта занимаешься ожерельевским разбоем? Своих дел не хватает?

– Товарищ комиссар, так вы меня вроде от этого дознания не отстраняли. Я считал своим долгом...

– Не отстранял? Ты что, непонятливый? Если я тебе после возвращения из Каширы заданий по этому гранду не давал, значит – отстранил. Долгом он своим считал! Этим делом занимается специально созданная группа, в которую ты неходишь. И нечего у людей под ногами крутиться, понял? Мы как-нибудь без вас, бывших, разберемся.

– Понял.

– А раз понял, то ступай, работай.

– Слушаюсь, – сказал Тараканов и вышел из кабинета.

О результатах своих поисков он начальству докладывать не стал.

Глава 5 Бывшие

Прошло несколько дней. 9 июня на утреннем совещании Розенблюм обратился к Швабо:

– Казимир Станиславович, собирайся, в Питер поедешь.

– Зачем?

– Затем. Раз говорю, значит надо. Вчера приказ пришел – послать в бывшую столицу сотрудника. Тамошние наши коллеги восстановили, как смогли, картотеку Центрального регистрационного Бюро царского Департамента полиции. Надо их работу обревизировать, принять все по описи, проследить погрузку в вагон и сопроводить до новой столицы. Езжай, это дело как раз для тебя.

– Товарищ комиссар, а нельзя ли послать кого-нибудь другого? У меня жена серьезно больна, я не могу ее сейчас одну дома оставить.

– Разрешите мне съездить, товарищ комиссар? – подал голос Тараканов.

Розенблюм хотел было заупрямиться, но потом передумал:

– Черт с тобой, Тараканов, раз захотел, езжай. Только учти, они там уже конину есть начали. Что, не передумал? Ну тогда иди, оформляй командировку.

В коридоре Швабо крепко пожал ему руку:

– Спасибо, Осип Григорьевич, выручил. Я и вправду никак не могу, у супруги – воспаление легких, того гляди помрет.

* * *

Петрограда Тараканов не узнавал. Город из помпезной и нарядной столицы империи превратился в уездное захолустье. Впечатление было такое, что улицы не убирали с зимы. Большинство магазинов было закрыто, от роскоши их витринных выставок не осталось и следа, кое-где и самих витрин не было – их пустые глазницы были заколочены досками и фанерой. Краска на дворцах Невского сразу как-то потускнела и облупилась, довоенная, неспешно прогуливающаяся публика превратилась в серую, куда-то спешащую массу. Извозчиков стало меньше раз в десять, трамваи почти не ходили. Зато в городе появилось множество автомобилей, которые бешено мчались по улицам, везя куда-то людей в серых солдатских шинелях и черных матросских бушлатах.

Постояв на Знаменской площади, Тараканов двинул на Фонтанку, где в доме номер 16 размещались новые судебные установления и Управление розыскной милиции.

* * *

Начальник петроградского сыска Аркадий Аркадьевич Кирпичников принял его весьма любезно.

– Вот-с, полюбуйтесь. – Кирпичников показал на штабель аккуратно сложенных картонных папок: – Здесь все, что удалось спасти. Регистрационные карточки на без малого пятьдесят тысяч человек. А было в десять раз больше! Да и состояние тех, что сохранились, оставляет желать лучшего. Фотографий вообще почти не осталось, да и алфавит практически уничтожен.

– Ничего, восстановим все со временем. Те ребята, которые для утраченных фотографий позировали, без дела сидеть не любят. Когда-нибудь снова попадутся, будут сфотографированы, дактилоскопированы, и их «формуляры» снова займут свое достойное место в картотеке. Как же вы решились такое сокровище в Москву передать?

– А куда было деваться? У меня приказ. А себе я копии сделал.

Окончив осмотр остатков картотеки, гость и хозяин уселись в кабинете последнего и стали пить чай из морковки.

Тараканов нерешительно начал:

– Товарищ Кирпичников...

– Зовите меня Аркадий Аркадьевич.

– Спасибо. Аркадий Аркадьевич, я сюда не только из-за картотеки приехал. Концы одного нашего дела к вам ведут. Мне бы ваша помощь не помешала.

– Ну разумеется! А что за дело?

Тараканов рассказал об ограблении багажного вагона и о листке из записной книжки.

– Можно взглянуть? – попросил Кирпичников.

Пока начальник питерского сыска рассматривал карандашную запись, Тараканов продолжал излагать свои умозаключения:

– Скорее всего, это пустой номер. Если это способ связи Тимофеева с бандитами, то на мою телеграмму никто не ответит и на встречу не придет – члены шайки прекрасно осведомлены о его смерти. Скорее всего, он уже пользовался всей этой конспирацией, а бумажку просто забыл выбросить. Но проверить все равно надо.

– Проверить... Хорошо, если никто не придет, а если кто-то клюнет? Будут ждать одного человека, а увидят другого? Не дай бог, сразу палить начнут!

– Вот поэтому я и прошу вашей помощи.

– Вы думаете, в такой ситуации вам кто-то сможет помочь? Бросят бомбу под ноги – и поминай как звали.

– Может, так, а может, нет. Волков бояться – сыском не заниматься.

– В принципе, шансы на то, что вы останетесь целы, все-таки есть. Организатору встречи зачем-то понадобилось, чтобы гость остановился в определенном месте. Видимо, для обратной связи. Поэтому они или явятся прямо в «Националь», или пришлют вам ответное письмо с указанием места randevu. В любом случае мы успеем подготовиться.

Тараканов задумался.

– А может быть, организатор таким образом хочет меня проверить? Он же просит остановиться в конкретном отеле. А вдруг там служит его сообщник? Я пошлю телеграмму с указанием номера занимаемой комнаты, получатель телеграммы сообщит об этом служащему мебелишек, и тот станет за мной следить? И если обнаружит, что меня прикрывают чины милиции, то сообщит об этом организатору и встреча не состоится? Нет, нам надо быть предельно осторожными. Наблюдать за мной должны издали, иначе весь смысл операции пропадает.

Кирпичников поднялся:

– Да-с. Задаете вы мне задачку. Почему на такое сложное дело Маршалк прислал вас одного?

– Карл Петрович больше в милиции не служит, недавно было удовлетворено его прошение об отставке. А новый начальник о моих изысканиях ничего не знает.

– То есть как?

– Не доложил я ему.

– Ну и дисциплинка у вас там, в Москве! Впрочем, у меня ненамного лучше. Я сейчас приглашу субинспектора Кренева, это один из моих лучших сотрудников, бывший чиновник для поручений. Втроем подумаем.

Совещались более двух часов. Вроде обо всем договорились, все продумали.

– Ну-с, до завтра! Завтра день будет сложный, поэтому сегодня отдохайте, наслаждайтесь красотой бывшей столицы. – Здесь Кирпичников поморщился, как от зубной боли. – Вернее

тем, что от нее осталось. Да, вот талоны в нашу столовую. Если станете питаться по вольным ценам, командировочных вам и на день не хватит.

Тараканов съел в трибунальской столовке невкусный ужин и отправился на Литейный, 60. Меблированные комнаты «Интернационал» (бывшие – «Националь») находились на четвертом этаже огромного пятиэтажного дома, субинспектор, пока поднялся, запыхался. «Старею», – с сожалением подумал он. Получив номер, он сразу же завалился спать. Ему было не до красот бывшей столицы.

* * *

Он как убитый спал всю ночь и проспал бы до полудня, если бы его не разбудил с вечера предупрежденный коридорный. Тараканов поставил свой чемодан на подоконник и пошел на почту. Отправив телеграмму, он попросил в номер самовар, снял с подоконника чемодан и лег на кровать со свежим номером «Известий». Вместо самовара ему принесли только стакан чаю.

Вечером ему доставили запечатанный конверт без каких-либо надписей. Субинспектор разорвал конверт и прочитал:

«В восемь в Летнем саду. Сядьте на любую скамью у памятника Крылову, рядом положите сегодняшний номер «Социал-демократа», заголовком вперед, на газету – свой головной убор. Руки скрестите на груди».

Текст был набран на пишущей машинке.

– Кто записку принес? – спросил Тараканов у коридорного.

– Пацан какой-то. Еще, стервец, отдавать не хотел, пришлось ему рублевку дать.

– Вот вам «зеленая» за труды.

– Мерси! Чайку не желаете?

Тараканов посмотрел на часы. Они показывали половину восьмого.

– Нет, спасибо. Мне бы сегодняшний номер «Социал-демократа» раздобыть.

– Так этого добра у нас навалом, сей момент принесу.

Получив газету, субинспектор опять поставил чемодан на подоконник и поспешил на улицу.

* * *

Чудные аллеи с выхоленными клумбами цветников, газоны и золотые песчаные дорожки сада были загажены, заплеваны, засыпаны семечками и папиросными окурками. Фигуры мраморных статуй украшали афиши с воззваниями, многие из скульптур были опрокинуты и повреждены. Создавалось такое впечатление, что в саду шли бои.

Парк кишел людьми в военной форме, лузгающими зерна подсолнуха и прогуливающимися под ручку с бедно одетыми, но самодовольно выглядевшими девушками. Интеллигентной публики видно не было.

Тараканов после поступления на службу в милицию стал одеваться по-пролетарски, поэтому своей косовороткой и потрепанным пиджаком от других посетителей сада не отличался.

Он нашел свободное место на скамье, положил рядом с собой газету, на нее водрузил кепку, скрестил на груди руки и стал ждать.

– Что, Осип Григорьевич, нужда заела? – слышался за спиной до боли знакомый голос.

* * *

Кунцевич постарел и осунулся – не новый, но еще неплохо смотревшийся чесучовый костюм висел на нем мешком, кончики усов обвисли. Но блеск в глазах сохранился.

– Пойдемте к реке, Осип Григорьевич, а то в обществе этих эмансипированных кухарок и их кавалеров я чувствую себя неуютно.

Облокотившись на гранитный парапет набережной, бывший чиновник Департамента полиции смотрел на Петропавловскую крепость.

– Вот, слава богу, и дожили мы до лета. Ну-с, – Кунцевич обернулся, – что хотите продать?

Тараканов ничего не понимал, но виду не подал:

– Ничего, Мечислав Николаевич. Я здесь по службе.

– Вот оно как! – Казалось, бывший начальник нимало не смутился. – Поступили к большевикам?

– Обстоятельства...

– Понимаю-с. Я сам в прошлом году просился в милицию. Не взяли старика, а то бы, глядишь, вместе бы всякую контру ловили. У Карла Петровича изволите служить?

– Да, в розыскной милиции, но не у Маршалка, Карл Петрович уволился.

– Уволился? Не слышал. А почему милиция? Такими, как я, вроде ЧК занимается?

Тараканов внимательно посмотрел на бывшего начальника. Тот отвел взгляд.

– А ведь у меня дома вам бывать не приходилось?

– Нет.

– Тогда милости прошу в гости.

Тараканов снял кепку и протер вспотевший лоб платком.

Их встретила горничная в белом переднике. Она приняла у хозяина трость и канотье и вопросительно взглянула на Тараканова. Тот замешкался, а потом передал барышне свою мятую кепку.

В прихожую вышла красивая дама лет тридцати пяти.

– Танечка, позволь представить тебе моего бывшего коллегу – Осипа Григорьевича Тараканова. Встретились сейчас совершенно случайно и вот пришли поболтать о былом. Моя супруга – Татьяна Федоровна, – обращаясь уже к Тараканову, представил даму Кунцевич.

– Очень приятно, мадам.

– Милости просим, я всегда рада гостям, тем более, если они старые друзья Мечислава Николаевича, – приятным голосом проговорила мадам Кунцевич, протягивая Тараканову руку для поцелуя. – Я прикажу Дуне собирать на стол.

– Благодарю вас, я не голоден.

– Никакие возражения не принимаются. Сейчас в кабинете проглотим по аперитивчику и отобедаем! – Кунцевич взял Тараканова под локоть и повел к одной из выходивших в прихожую дверей.

От прекрасного эриванского коньяка на душе сразу стало легко.

– Как у вас хорошо, Мечислав Николаевич, будто ни войны нет, ни революций. Как вам это удается?

– Это – роскошь показная. Вся обстановка безнадежно заложена, мы с вами допиваем последнюю бутылку из моих довоенных запасов. – Бывший начальник поставил бокал на стол. Улыбка с его лица исчезла. – Как вы узнали о моих сегодняшних занятиях?

– О ваших делах мне ничего не известно. А вышел я на вас благодаря вот этой записке. – Тараканов протянул листок из записной книжки.

Кунцевич внимательно его прочитал.

– Как у вас эта бумажка оказалась?

Осип Григорьевич рассказал про разбойное нападение.

Хозяин квартиры откинулся на спинку кресла, сложив руки на груди.

– Уж не думаете ли вы, милостивый государь, что ваш покорный слуга на старости лет переквалифицировался в налетчики?

– Нет, конечно, Мечислав Николаевич, не думаю. Но мне бы хотелось знать, каким боком вы прикосновенны к этой записке.

Кунцевич наполнил опорожненные бокалы, подал один из них Тараканову, сделал глоток из своего.

– Видите ли, Осип Григорьевич, сейчас я служу бухгалтером в одной конторе, я по первой профессии – бухгалтер. Получаю шестьсот рублей в месяц, да чувствую, что и контора моя скоро накроется. Поэтому вынужден подрабатывать. Вам, вероятно, известно о Декрете от 15-го сего января?

– Этих декретов столько, что запомнить просто невозможно. О чем он?

– О казенной монополии на торговлю золотом и другими драгоценными металлами.

– Что-то слышал.

– По этому Декрету все ювелирные изделия, вес которых превышает шестнадцать золотников, должны быть сданы государству по цене тридцать два рубля за золотник. У нас сейчас тридцать два рубля три фунта конины стоят! Между тем за неисполнение этого декрета советская власть грозит страшными карами. У меня есть один знакомый, который имеет много наличных и хочет поменять их на что-то более существенное. А я подыскиваю ему людей, у которых, наоборот, есть драгоценности, но нет наличных денег, и получаю за это определенный процент.

Тараканов поставил бокал на стол.

– Спекулируете, значит?

– Да. Раньше это называлось коммерцией. А сейчас – это тяжкое преступление. Вот поэтому такая конспирация. Дело-то приходится иметь в основном с незнакомыми. У нас все строится по принципу пирамиды: мы купили золото у одного, тот рассказал другому, этот – третьему.

– А вам не страшно этим заниматься? Вдруг нарветесь на чекистов?

– Страшно, но мне еще хочется пожить. А на шестьсот рублей в месяц и паек по третьей категории мы втроем не вытянем. За долгие годы беспорочной службы я смог накопить только пять тысяч, они давно кончились, поэтому я и вынужден рисковать.

– Мне кажется, что при существующей системе конспирации разоблачить вас довольно просто.

– Поверьте, коллега, вам это только кажется, – сказал бывший начальник обиженным тоном.

– Почему же? Будь я верен милицейскому долгу, мы бы сейчас не коньяк пили, а протокол обыска составляли.

– Будь вы верны милицейскому долгу, вы бы меня сегодня не увидели. Я следил за вами от самых мебелишек и подошел только тогда, когда убедился, что вы один.

– А если бы мы посадили агентов на Главпочтамте? Они бы проследили получателя телеграммы и накрыли бы вас еще до нашей встречи.

– Если бы вы посадили на почтамт всю московскую милицию, у вас все равно бы ничего не получилось. Ваша телеграмма до сих пор лежит не востребованной. Вспомните наше ялтинское приключение. Один из служащих почтамта, увидев, что на имя Абакумова поступила телеграмма – мне телефонирует. Причем это не тот чиновник, который выдает телеграммы, и даже не телеграфист. Эх, так и быть, вам я откроюсь – это сторож. Два раза в день он делает

уборку. Телеграммы раскладывают в алфавитном порядке в особый ящик, поэтому телеграмма на имя Абакумова почти на сто процентов всегда будет лежать сверху. Сторож смотрит ящик, и если видит нужную телеграмму, то телефонирует мне с общественного телефона, когда уходит обедать. А в номерах у меня – прикормленный коридорный, который следит за вашей реакцией. Если бы вы, получив записку, снеслись с кем-нибудь, я бы про вас просто забыл. Я специально оставил только полчаса от момента получения записки до времени встречи – сбегать вы никуда не успевали, могли только телефонировать, что сразу же бы стало известно коридорному. В половине восьмого я пришел на Литейный, сел в кафе напротив и стал ждать появления человека, словесный портрет которого мне уже был известен. Дождался вас, получил от вышедшего следом коридорного сигнал, что все в порядке, проводил до Летнего сада, еще раз убедился, что за нами никто не следит, подошел. Все!

– Ловко! Мечислав Николаевич, посмотрите на эту карточку. Этот человек вам знаком? – Тараканов показал фотографию Тимофеева, взятую у его вдовы.

Кунцевич внимательно ее разглядел.

– Да, я имел с ним дело. Это москвич. Он продал нам превосходное ожерелье с бриллиантами. Я тогда хорошо заработал.

– Когда это было?

– Седьмого, или по-новому – двадцатого сего мая.

– Вы точно это помните?

– Абсолютно. Двадцать второго был Николин день, и благодаря деньгам этого господина я смог организовать прекрасный праздничный обед, ну и помянуть покойного папеньку. Даже телятинки себе позволил.

Уже в дверях, прощаясь, Тараканов сказал:

– Пересмотрите свою систему конспирации, Мечислав Николаевич. Она плохо работает. А лучше вообще больше этим не занимайтесь. Мне будет очень жаль, если вы когда-нибудь окажетесь в доме два по вашей улице⁶. Потерпите, я уверен, что жизнь скоро наладится. К осени, ну максимум – к следующему году, нынешняя власть кончится.

– А я, знаете ли, уверен в обратном. Поверьте старику, большевики всерьез и надолго.

– Как может долго продержаться власть, которая за полгода разрушила страну?

– Все дело в том, что эта власть народу по сердцу. Кухарки и мастеровые от нее в восторге. Им же теперь можно лузгать семечки в Летнем саду! Можно митинговать по любому поводу, можно безнаказанно отобрать собственность у буржуев. И за эти привилегии они готовы жизнь отдать. Да и большевики не миндальничают. Они все возможное для сохранения своей власти сделают, потому как для них сохранить власть равно сохранить жизнь. Сейчас они расстреливают десятками, а чуть бунт поднимется – тысячами начнут расстреливать, всякую охоту бунтовать отобьют. Но ваше предупреждение я услышал.

* * *

Кренив догнал его на углу Невского и Морской.

– Какое амбре! Коньяком вас Мечислав Николаевич угощал?

– Да.

– Я, после того как вы подали сигнал «не подходите, справлюсь один», агентов отпустил, а сам – сюда, на Гороховую. В подворотне соседнего дома спрятался. Давайте всем скажем, что встреча не состоялась?

⁶ В доме 2 по ул. Гороховой в то время располагалась Петроградская ЧК.

– А она действительно не состоялась. Кунцевич ни к чему не причастен. Он встретил меня в Летнем саду совершенно случайно и пригласил в гости.

Кренив внимательно посмотрел на Тараканова и больше ничего не сказал.

Картотеку отправили в Москву на следующий день. Тараканов сидел в багажном вагоне, пил плохой чай, закусывал плохим хлебом и смотрел в окно.

«Бежать надо отсюда. Полторы тысячи золотом у нас есть, коров продадим, дом, да все продадим. На первое время хватит, а потом как-нибудь устроимся, не пропадем. Чай, руки и ноги целы, и голова на плечах есть. Я могу шофером подрядиться, они всегда в дефиците, Настя – языки преподавать может, машинисткой опять же. Матери новых коров купим». Тараканов помрачнел. «Нет, мать не поедет. Ее в Тулу-то калачом не заманить было. Не поедет. Не бросит дом, коров своих не оставит. Ну ее к черту, эту границу. Не прав Кунцевич, не может такая власть долго держаться. Следующим летом опять «Боже, царя храни» петь станем».

Тараканов лег на какой-то багажный тюк и попытался уснуть. Но то ли от духоты, то ли от сверливших голову мыслей ему не спалось.

Глава 6 О вреде табака

11 июня из гаража германского посла графа Мирбаха украли автомобиль. Розенблюма вызвали в Совет милиции и надавали по шапке. Вспомнили и нераскрытый ожерельевский разбой. Начальник был зол как собака. Поэтому не успел Тараканов сойти с поезда, как тут же получил приказ – во-первых, немедленно присоединиться к розыскам машины посла, а во-вторых – заняться ограблением багажного вагона. Несмотря на то что к расследованию ожерельевского налета Розенблюм уже привлек и одного из «бывших» – агента Вейсброта, это дело так и не сдвинулось с мертвой точки.

Авто нашел Швабо – его секретный сотрудник заметил «Форд» в сарайчике у зазнобы известного вора-рецидивиста Карпа Блудова. В благодарность за поездку в Питер Казимир Станиславович решил разделить лавры с Таракановым и взял его на задержание. Блудовская зазноба жила в селе Черкизово. Брать Карпа поехали на грузовике, в кузове которого расположился пяток солдат. Тараканов сел в кабину, между Швабо и водителем. Он смотрел на пробегавшие мимо дома и думал про налет.

«Милиционер и чиновник отпадают. Милиционер о предстоящей поездке узнал за несколько часов до нее, а чиновник двадцатого продал Кунцевичу драгоценности, очевидно, фамильные. Человек, который рассчитывал вот-вот получить миллионы, так бы не поступил. Остается Бочаров. Получается, что бандитов надо искать среди его друзей и знакомых. Надо допросить Аксинью, должна же она знать, с кем дружил ее предмет. Ну а раз папаша с дочкой своей поговорить по-простому не дает, вызовем ее официально. Повесткой».

Карпа арестовали, машину вернули владельцу в целости и сохранности, Розенблюм получил благодарность от начальства, Швабо – денежную премию, а Тараканов – двухдневный отпуск.

Он уже хотел ехать на вокзал, когда в кабинет постучали.

– Войдите!

Дверь открылась, и в кабинет зашел старший Лабухин. Следом, низко склонив голову, шла его дочь.

– Здравствуйте, гражданин начальник. Вот, прибыли-с, согласно повестке.

– То, что прибыли, это хорошо. Только вас я не вызывал.

– Ну не могу же я дочь одну отпустить!

– Почему? Она у вас совершеннолетняя, а здесь ее никто не съест. Но коли лично доставили, что же теперь делать. Однако допрашивать я ее буду без вас. Обождите в коридоре, пожалуйста.

Купец неохотно вышел. Тараканов плотно закрыл за ним дверь, сел за стол, жестом предложил Аксинье сесть рядом, достал из верхнего ящика стола бланк протокола, обмакнул ручку в чернильницу и спросил:

– Фамилия, имя, отчество?

– Лабухина Аксинья Афанасьевна.

– Происхождение?

– Из крестьян Тульской губернии.

– Вот как! А какого уезда?

– Каширского.

– Волость и село? – Тараканов даже привстал.

– Волость Богатищевская, а деревня Зубово.

Аксинья на вопросы отвечала неохотно. Она не рассказала ничего нового ни о своих отношениях с Бочаровым, ни о его знакомых. Но эти сведения субинспектору уже были не нужны. Он знал, где искать. Но начальству о своих предположениях пока решил не докладывать – оно могло испортить весь отпуск.

Субинспектор купил на Сухаревке полфунта черной икры за 20 рублей, коробку сардин за 15, с боем залез в трамвай «Б» и поехал на вокзал. Через пять часов он был в Кашире. Взял извозчика, заехал домой, отдал выбежавшей на крыльцо жене покупки, поцеловал ее, сказал, что скоро вернется, вскочил в пролетку и велел везти его в милицию. Супруга минут пять стояла на крыльце, открыв рот.

Деревня, в которой родилась Аксинья, была расположена в десяти верстах к югу от места налета. Приехали туда в одиннадцатом часу ночи, но из-за того, что с 1 июня стрелки часов перевели на два часа вперед, еще даже не начало смеркаться.

Пятистенка владельца кухмистерской стояла на окраине деревни и мало чем отличалась от соседних изб, разве что была крыта не соломой, а железом. В доме, кроме бабы-работницы, никого не было. Увидев непрошенных гостей из окна горницы, она быстро выбежала к калитке.

– Хозяев нет. Они в Москве живут.

– А когда последний раз были?

– Дык третьего дня уехавши.

Разговаривая, женщина стояла в калитке, загораживая проход.

Тараканов внимательно разглядывал двор.

– Хозяюшка, дайте водицы испить, а то жарко.

Баба нехотя развернулась и пошла к дому. Милиционеры двинулись следом. Рядом с крыльцом стояла лавочка, а на ней – жестянка из-под консервов, наполненная окурками. Тараканов взял один из них и поднес поближе к глазам. На папиросной гильзе синела надпись: «Асти» ф-ки «Дукать».

Еще заходя на двор, Тараканов обратил внимание, что у забора сложено около сажени дров. Дровами был заполнен и находившийся у одной из стен избы навес. «Куда ему столько? Сам он здесь не живет, неужели так о прислуге заботится? Дрова-то нынче дороги, а Лабухин на мецената не похож».

Внимательно осмотрев поленницу, Тараканов обнаружил, что на высоте примерно одного аршина от земли, поперек дров лежит дюймовая доска, а расположенные под нею поленья – легко вынимаются. Вынув несколько деревяшек, Осип Григорьевич достал из образовавшейся норы саквояж. В нем милиционеры обнаружили множество ювелирных изделий, а также несколько пачек английских фунтов стерлингов. Потом из дыры один за одним вытащили три рогожных мешка, доверху набитых кредитными билетами.

«Москва. Малый Гнездиновский, пять. Управление уголовно-розыскной милиции. Товарищу Розенблюму. Деньги, похищенные из вагона, мною разысканы. По подозрению в причастности к разбою прошу арестовать владельца столовой на Варварке, восемь, Афанасия Дмитриевича Лабухина и четверых его сыновей. Остаюсь в Кашире до завтрашнего дня по служебной необходимости. Все подробности – по приезду. Тараканов».

– Отправляйте так, как написано. На союзах и знаках препинания не экономьте, – сказал Тараканов телеграфисту.

Наказав начальнику каширской милиции усиленно караулить изъятые деньги и завтра обеспечить их безопасную отправку в Москву, Тараканов направился домой.

Домой Тараканов заявился в половине второго. Жена и мать не спали, Ванька дрых на своей кровати одетым.

– Никак не хотел ложиться, все тебя ждал.

Пока Осип Григорьевич уничтожал ужин, мать и супруга не переставая тараторили, рассказывая городские новости.

– А у нас новый председатель исполкома – Филипп Иванович. Оказывается, он с тобой знаком! Как узнал, кто мой муж, так велел тебе привет передавать и обещал непременно с тобой увидеться. Завтра можем нанести ему визит. Сейчас такие знакомства надобно поддерживать.

– Филипп Иванович? Чтой-то я такого среди своих знакомых не припомню. Как его фамилия?

– Трубицын. Он говорил, что каширский уроженец, но был вынужден надолго покинуть город.

Тараканов помрачнел.

– Устал я. Пойдем, Настасья, почивать.

Супруги поднялись в светелку и набросились друг на друга.

Тараканов с Ванькой катали по полу заводной трамвайчик, когда в избу вошел Трубицын. Бывший политкаторжанин полысел и потолстел.

– Филипп Иванович! – засуетилась Настя. – Что же вы не предупредили?

– Не беспокойтесь, Анастасия Александровна, у меня визит, так сказать, неофициальный.

– Нет, чаем я вас непременно напою. У нас варенье есть, Осип икры привез. Присаживайтесь, я сейчас все приготовлю.

– Да стоит ли? Я буквально на пять минут, поприветствовать старого приятеля.

– Без чая я вас все равно не отпущу, и не думайте возражать.

Настя ушла на кухню.

– Хорошая у вас супруга, Осип Григорьевич, и мальчонка хороший. Давайте, пока дамы на стол собирают, на улицу выйдем, покурим.

– Я с тобой, папка! – поднялся с пола Ванюшка.

– Играй сынок, я скоро, нечего тебе табачным дымом дышать.

Тараканов и Трубицын сели на лавочку у палисадника и закурили.

– Я слышал, вы все тем же изволите заниматься, в сыске служите?

– Да.

– А я вот род занятий сменил. Был конторщиком, а стал уездным головой. Да-с. Хоть вы и старались меня с землей смешать.

Тараканов ничего не ответил.

– Чего молчите? Совесть мучает?

– Нет, не мучает. Я против своей совести ничего не делал. Я вас, Филипп Иванович, не за политику помогал на каторгу отправлять, а за соучастие в убийстве и в разбойном нападении. Я обывателей от бандитов защищал.

– Ах вот вы как заговорили! Ну что ж, сейчас я окончательно понял, что вы враг неисправимый. Вы пока отдохайте, пейте чай с вареньем, ешьте икру ложками. А я пойду, сообщу куда следует, что вы за фрукт. Скоро вы узнаете, что это такое – тюрьма. Если вас, конечно, сразу не шлепнут. Времена сейчас тяжелые, контра со всех сторон на молодую Советскую республику лезет, и я думаю, что с вами не будут церемониться.

– Вы, Филипп Иванович, тюрьмой и смертью меня не пугайте. В тюрьме мне сидеть доводилось, а смерти я не боюсь. Семи смертям не бывать, а одной не миновать. Только одному помирать будет скучно, поэтому я вас с собой потяну.

– Угрожать изволите? – сказал Трубицын. Его голос предательски дрогнул.

– Избави Бог. Я не угрожаю. Я только хочу сказать, что коли я перед новой властью грешен, то и вы не без греха. Вам обстоятельства дела напомнить?

– Дела? Какого дела? Нет никакого дела, Осип Григорьевич. Царский суд был разгромлен восставшим народом, и его дела были уничтожены. Я свое дело лично сжег, – шепотом закончил Трубицын. – А подельники мои – все на том свете.

– И все же я позволю себе напомнить, как мы этот экс раскрывали. Помните, сначала вы давали признательные показания в отношении учительниц? Потом жандарм Кожин заключил сделку с Нелюбовым и ваш протокол допроса переписал? Так вот, первый протокол рвать никто не стал – Кожин подстраховался и разорвал перед Нелюбовым специально изготовленную копию. А подлинный протокол оставил на хранение Кудревичу. Тот передал его мне. А я его сберег. Он у меня в надежном месте спрятан. И как только я окажусь в ЧК, я про него вспомню.

– Ой, Осип Григорьевич! Блефуете вы.

– Может, да, а может, нет. Вы проверьте, Филипп Иванович, попробуйте. Вдруг и вправду блефую? – Тараканов смотрел в лицо председателю исполкома и улыбался. Затем заговорил жестко: – Предлагаю дела давно минувших дней забыть. Ну а протокол будет гарантией от наших необдуманных действий. Если вы молчите – я не вспоминаю про протокол, если я даю ход протоколу – вы начинаете говорить. Другьями мы с вами, конечно, не станем, но добрыми знакомыми сделаться можем.

Трубицын помолчал. Потом склонил голову в полупоклоне:

– Вынужден откланяться. Извинитесь за меня перед супругой, к сожалению, совершенно нет времени отведать ее угощений. Я принимаю ваше предложение, будьте здоровы!

Глава 7

Подводчик

Из пятерых арестованных Лабухиных первым раскололся самый младший – не выдержал пыток:

– Батя это все затеял. Как-то, недели за три до Пасхи, собрал он нас и сказал, мол, можно хорошие деньги получить, если ночь не поспать. Такие деньги, с которыми все пути-дороги открыты. Мы все согласились, хоть и понимали, что дело нам предстоит незаконное. Одинадцатого мая, двадцать четвертого по-новому, батя велел всем в деревню ехать. В Зубово он нам револьверы раздал и сказал, что на поезд налет делать будем. Вечером сели мы на подводу и в Каширу поехали. Димка нас там высадил, а сам к железке двинулся, в условленное место. Мы за насыпью схоронились, рогожу с собой взяли, чтобы подстелить. Когда поезд мимо на тихом ходу проходил, на площадку запрыгнули. Батя в дверь постучал, дверь открылась. Гляжу, а открыл ее Илья – Ксюхин воздыхатель. Отец тут же его из револьвера и уложил, потом солдата. Чиновник верещать стал, плакать, просить. Но батя и его не пожалел. Открыли мы боковую дверь, скинули баулы, и сами спрыгнули. У Димки в телеге фонари были припасены, мы их зажгли, деньги нашли, из баулов в мешки сложили, погрузили на телегу. Димка с Володькой на ней к дому кружным путем двинули, ну а мы напрямки, вдоль железки пошли. Деньги батя велел в поленницу спрятать. Потом он людей искал, договаривался, золото покупал, камушки, деньги заграничные, на них все не по-нашему писано, а называются почему-то по-русски – фунты! Хотели мы деру дать из Совдепии, потому как жизни тут нет. Мука вон уже по четыреста рублей пуд!

Потом начали говорить остальные братья.

Молчал один Афанасий Дмитриевич. Как ни бился с ним Вейсброт, он так ничего и не сказал.

Гражданский комиссар Москвы Рогов сначала крепко пожал Тараканову руку, а потом не сдержался и обнял его.

– Молодец, молодец, товарищ Тараканов, просто умница! Вернули советской власти такую огромную сумму, которую, признаюсь, мы считали уже навек потерянной. Я буду ходатайствовать о вашем награждении. Товарищ Розенблюм, – повернулся Рогов к начальнику уголовно-розыскной милиции, – в кратчайшие сроки оформляйте дознание и передавайте дело в суд. Преступники должны как можно скорее понести заслуженное наказание!

– Товарищ Рогов, я думаю, рано еще дело в суд направлять, – подал голос Тараканов.

– Это почему?

– Так подводчика мы не нашли.

– Какого подводчика?

– Разрешите подробно?

– Прошу вас.

– Во-первых, изъято денег, валюты и драгоценностей менее, чем на шесть миллионов. Куда делись еще три? Во-вторых, из показаний бандитов следует, что Афанасий Лабухин точно знал о предстоящей перевозке большого количества денег в тамбовском поезде. Откуда у него эти сведения?

– Бочаров сообщил!

– Бочаров узнал о командировке только вечером двадцать четвертого, а старший Лабухин стал склонять сыновей к преступлению более чем за месяц до нападения. Нет, у него был другой источник информации.

– Какой же?

– Вот это и надо выяснить.

– Выясняйте, вам никто не мешает. Допросите еще раз Афанасия Лабухина. Но дело надобно все равно как можно скорее направить в суд. А в отношении подводчика – заводите отдельное производство и занимайтесь. Еще раз спасибо, товарищи! Все, причастные к открытию банды, непременно будут поощрены! Вы, Осип Григорьевич, какой вид поощрения предпочитаете?

«Демобилизацию», – подумал Тараканов, а вслух сказал: – Нельзя ли отпуск? Матери надо помочь сена накосить, корова у нас.

– Нет, отпуск дать не могу, не время сейчас отдыхать. А вот денежную награду получите.

* * *

Лабухина Тараканов допрашивать не стал – не сомневался, что старик говорить не будет. Вместо этого сыщик поехал на Солянку.

В столовой хозяйничали Аксинья и какая-то немолодая женщина, по-видимому – ее мать. Помогал им мальчишка лет пятнадцати. Увидев субинспектора, дочь главного подозреваемого что-то шепнула матери, после чего обе исподлобья уставились на Тараканова.

– Здравствуйте, гражданки! Аксинья Афанасьевна, можно ли мне с вами переговорить?

– Не о чем нам с вами разговаривать!

– Ну, это мне решать. Не хотите здесь, так можем ко мне проехать, в сыскную.

Аксинья вздохнула, села за свободный стол, жестом пригласив Тараканова присесть рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.